

ИДА БАРИЕВА

МИФ ОБ ИВААРЕ

ФЭНТЕЗИ

Ида Бариева

МИФ ОБ ИВААРЕ

16+

ISBN 978-5-00058-617-4

© Бариева И.

Издательство Эдитус
Москва

2017

Аннотация

Если вы думаете, что знаете все о сотворении мира, то вы ошибаетесь. Наверняка у вас на руке наручные часы. А вы знаете, что именно они измеряют? Вы свято верите учебникам истории, фактам и доказательствам? Тогда ваши знания о мире устарели.

Во что и кого вы верите? Какими учениями руководствуетесь в жизни? Может, пришла пора заглянуть в иное мировоззрение и прислушаться потом к самому себе? Что вы услышите?

Жанр произведения заявлен как фэнтези, но это не совсем фэнтези. И даже не совсем миф. И не сказала бы, что развлекательная литература, хотя пытливым ум способен найти в нем немало занимательного. И даже затрудняюсь сказать, что же это за книга. Может, знают те, кто передал мне информацию для ее написания. А может, знаете вы?

Содержание

Предисловие 4

Глава 1. Я хочу рассказать вам, как создавался мир 7

Глава 2. В начале не было начала 17

Глава 3. Ловушка, из которой нет выхода 53

Глава 4. Миры внутри миров 72

Глава 5. Предусмотреть все 92

Глава 6. Откаты истории, и что бывает после 125

Глава 7. Иваар 135

Символика магов четвертого мира (совр.) 155

Предисловие

Не верь глазам своим. Ибо глазам видны лишь ограничивающие нашу свободу оковы. Чтобы рассмотреть главное, нужно пользоваться пониманием. Ты всё знаешь, необходимо только понять это. И тогда сразу станет ясно, как летать.

(Ричард Бах)

Если вы ждете, что в книге все будет разжевываться до мелочей, то эта повесть не для вас. И если ставите форму превыше содержания — тоже. Обожаете шаблоны, стереотипы и исключительно то, за чем стоит многолетняя формальная организация — тогда зачем вам лишнее знание? Для кого же эта повесть? Для тех, кому интересно, что же было в самом начале, как развивалась история и каковы прогнозы. Кому интересно прочесть о людях, богах и магах, о материях и странных формулах мироздания. Скажем так, чтобы познакомиться с альтернативной веткой мировоззрения и задуматься. Прогнозы ведь могут сбываться, а могут и нет. Это зависит и от вас тоже. И если кто-то скажет, что вы ничего не можете изменить — не верьте. Потому что как раз сейчас — можете. Но хотите ли?

Жанр заявлен как фэнтези, но это не совсем фэнтези. И даже не совсем миф. И не сказала бы, что развлекательная литература, хотя пытливым ум способен найти в нем немало занимательного. И даже затрудняюсь сказать, что же это за книга. Об этом больше знают те, кто передали информацию для ее написания и пожелали при этом остаться неизвестными (в основном он был один). И поскольку знание изначально исходит не от меня и у меня нет на руках ни единого факта или доказательства, потому жанр — «фэнтези», жанр чистого воображения. И потому на все вопросы по мифу (а особенно по «Иваару») ответ будет один: «Я не могу сказать вам правду, а врать я не хочу». И если я вдруг говорю иное, значит, это было разве что сказано «под дулом пистолета», и веры тому нет.

Что еще сказать? Мир несовершенен. Но будь он совершенен; будь совершенны мы; будь все придумано-сделано так, что ничего нового бы нас не ждало никогда и даже мечты остались бы в прошлом... точно этот мир был бы совершенным?

Посвящается двум таинственным
информаторам; тому, кто помогал в написании
этого мифа, и всем людям без исключения.

С наилучшими пожеланиями,

Ида Бариева

Глава 1. Я хочу рассказать вам, как создавался мир

Яркое солнце играло меж кленовых листьев, осеняющих благодатной тенью детскую площадку у небольшой деревни – домов в семь. Или восемь? Какая разница? В этом мире (в отличие от мира привычного) точные цифры и крайние сроки стали не столь важны после того, как...

– Мама, смотри! – крепкая девочка с фиалковыми глазами указала пальцем на беловолосую морщинистую старуху в холщовом одеянии, подошедшую к площадке.

Детей, тут же бросивших игры и устремивших полные любопытства глаза к ней, было восемь, родителей – двое: мужчина с глубоко посаженными глазами, широкой улыбкой и натруженными руками, с карандашом за ухом, и женщина, стройная, с добрым взглядом и пачкой детских альбомов в руках. Неподалеку у деревянных качелей сидела на выставленных полукругом скамьях группа молодых людей. У одного из них, высокого светловолосого парня с глазами весеннего неба,

была м-кифара, и ее задумчивая мелодия, подобно одинокому журавлю, неслась над площадкой. У многих на руках были красивые браслеты: голубые, лиловые, желтые...

– Добрый день, – вежливо поздоровалась женщина со старухой. – Вы ведь только прибыли к нам? Компота принести? Вкусный, из ягод баари, только вчера сварила. Утка... – она понюхала воздух, где едва слышно ощущался запах мяса, – будет где-то через дорт. Да вы присядьте.

– Спасибо, – улыбнулась старуха и присела на предложенную скамью. Резную, деревянную, как и все здесь. – Буду рада, но не раньше, чем заслужу это угощение. Я хочу рассказать вам историю и надеюсь, она покажется вам занимательной.

– Заслужите? В каком смысле? – женщина откинула прядь каштановых волос со лба. – Вы же только пришли, а я не видела вас ни у нас, ни в ближайших деревнях и городах. Значит, проделали долгий путь. Наверняка проголодались. И пить хотите. Ведь так? Причем тут «заслужить»?

— Знаете, все это неважно, — старуха рассмеялась глубоким смехом, подобного которому никто из присутствующих раньше не слышал. Звуки м-кифары стихли, теперь и молодые слушали новоприбывшую. Старуха улыбнулась, когда они подошли ближе. — Но вы правы, я действительно проделала долгий путь. Скажите, среди вас только люди?

— Я серая, — тут же выпалила девочка с фиалковыми глазами, которая первая ее заметила. — Меня зовут Алайя. А вас?

— Ниа, — улыбнулась старуха. — Зовите меня Ниа.

— Я — маг, не серый, — вмешался парень с м-кифарой. — Не уверен, что вам интересно мое имя, но я из рода магов солнечного света. Местный, можно сказать.

— Серая магнесса и молодой маг, — удовлетворенно кивнула старая Ниа. — В мире на оборот раньше вашего вас назвали бы людьми с паранормальными способностями. И мне все интересно. Твое имя тоже.

— Нас назвали бы людьми?! — Алайя округлила глаза.

— Назвали бы, — вздохнул маг. — Серые не ходят в высшую школу магии, ни светлой, ни темной, поэтому историю оборотных миров и даже нашу историю, где магов изначально называли так же, вам, счастливчикам, зубрить не приходится, — он скривился и вздохнул. — И мое имя Кир.

— Давно историю оборотных миров стали преподавать в высшей школе магии? — старая Ниа, казалось, была несколько разочарована. — И многому там учат? Можешь рассказать? Как бы не вышло, что я пришла поведать вам то, что вы и так знаете лучше меня.

— И мне, и мне расскажи! — заканючили дети.

— И правда, Кир, расскажи, — серьезно попросила женщина. — Ты приходишь к нам, сколько я себя помню, а о каких-то там оборотных мирах и не рассказывал.

— Вам это интересно? — искренне изумился он, но увидел яростные кивки и сдался. — Ну... наша планета — не единственная в мире, это вы знаете? — снова кивки. — Но и наш мир — тоже не единственный. Очень редко магам перемещения удается попасть в миры другие. Мы называем их

оборотными, а раньше их называли параллельными. Я говорю «раньше», потому что когда-то, в домагическую эпоху, когда и в нашем мире магии не было...

– Чушь! – фыркнула Алайя.

– Прости меня, пожалуйста, Кир, ты уверен?
– вмешалась женщина. – Как же мы, люди, могли без вас, магов, жить?

– Уверен, – кивнул он. – «История магов», первый том. Без нормальной даты, когда еще время не измеряли ни оборотами, ни дортами, ни биениями сердца. Тогда появился наш род – он один из древнейших в мире! – последнее прозвучало горделиво, плечи Кира расправились, в глазах, до того скупающих, появился блеск. – Именно тогда было положено начало основополагающему единению людей обычных и людей с паранормальными способностями – проще говоря, людей и магов. Первые зависят от вторых, вторые – от первых. Но в четырнадцати оборотных мирах, которые за всю нашу историю нашли наши маги перемещения, все до сих пор не так. Там есть только люди и изредка появляются маги, которыми тут же занимаются специальные

службы людей ради своих целей, — он вздохнул, — но чаще — просто человеческие врачи, что всеми силами пытаются из людей с паранормальными способностями сделать просто нормальных. И никакого развития ни они, ни их магия не получают (если не хуже). Основное отличие людей от магов, знаете, какое?

— Одни владеют магией, другие нет, ага? — вмешалась молодая человеческая девушка с волосами цвета воронова крыла.

— У людей одно тело, у магов — два: в обычном и магическом пространствах Мам, я ведь верно сказала? — Алайя выпятила нижнюю губу.

— Д-да, кажется, — неуверенно подтвердила женщина. — Кир, ты обещал рассказать про оборотные миры.

— Они... просто другие миры, которые отличаются от нашего на оборот истории, — в голосе Кира появилась неуверенность. — То есть, скажем, в каком-то мире случилось ключевое событие, которое кардинально поменяло ход его истории, и она как бы сделала оборот. Но каждый такой оборот означает, что мир делится

на два: где событие случилось и либо не случилось, либо случилось не так. Исходный мир так и продолжает жить, а второй мир как бы... он называется обратным.

— А исходный — где случилось или не случилось? — уточнила Алайя, скрестив ручки на груди.

— Не знаю. Никто не знает. Даже маги перемещения не понимают, что за события двигают историю на оборот. Мы просто ведем заметки из историй обратных миров, и все, — Кир посмотрел на Ниу. — Может, знаете вы?

— Знаю, — кивнула она. — Но скажите сначала, известно ли вам, как миры создаются? Как зародилось вообще все на свете и за его гранью?

Дети ахнули на разные голоса и придвинулись поближе. Девушка с черными волосами фыркнула. Мужчина и женщина переглянулись. Кир потер дернувшуюся щеку.

— Надеюсь, в этом не было ничего, что не стоило бы рассказывать детям? — уточнил мужчина и поправил карандаш за ухом.

— Вам про это еще не рассказывают? Я немного потерялась среди миров, где «Иваар» был написан — и где не был.

— «Иваар» — миф, — фыркнула девушка. — Да еще... о нем же никто ничего толком не знает! Говорят, учение Поднебесных о Великом Архимеге как-то с ним связано. И все. «Иваар» — миф. Как древнегреческие мифы.

— Именно, — кивнула Ниа. — А вы вообще знаете, что это за страна была, Древняя Греция? И в каком мире она начала свое существование?

— Чего? — девушка вытаращила глаза. — Ее не существовало никогда! Что о ней известно — просто мифы о том, как некие «боги» развлекались. Глупые мечты магов о силе, которой у них никогда не было!

— Вы хотите сказать, что целая страна переместилась между мирами? Как наши маги перемещения путешествуют по оборотным мирам, — высказал предположение Кир.

— Древняя Греция — сама миф! — выпалила Алайя.

— Это ведь была страна людей... сочинивших много мифов. Я прав? — мужчина

запустил руку в волосы, карандаш упал на землю, но мужчина словно этого и не заметил.

— Вы все правы и не правы, — улыбнулась Ниа. — Пожалуй, мне лучше начать с самого начала. Или все то, что я хочу вам рассказать, покажется не неким мифом об Ивааре, а просто бредом сумасшедшей старухи. Я хочу рассказать вам, как создавался мир.

— Я уведу детей, пожалуй, — быстро сказала женщина. — Подождите меня, прошу. Эти истории не для детей.

— Вы так считаете? Разве дети не имеют права знать правду? Но как вам угодно, — вежливо отозвалась Ниа. — Алайя... может остаться?

— И я! И я! — дети заголосили в унисон.

— Мама, я останусь! — сверкнула Алайя фиалковыми глазами. — Ты меня с места не сдвинешь!

— Зато я сдвину, — мягко произнес Кир. — Если мама сказала, что эта история не для детей, то она не для детей.

Женщина положила пачку альбомов на скамью, собрала сопротивляющуюся группку детишек и увела за собой. Когда они скрылись, Алайя высунула серьезное лицо из-за холщового рукава Нии. Мужчина дернулся было ее ловить, но Кир остановил его жестом.

— Алайя... — проникновенно начал он.

— Она имеет право знать, — сказала Ниа. — Она не просто ребенок. Она серая магнесса. У магов не может быть человеческого детства, потому что маги — все-таки не люди.

То же самое она повторила ее матери, когда та вернулась и попыталась увести Алайю подальше от странных историй. И все-таки после недолгих препирательств девочка осталась и с вызовом показала Киру язык. Тот беззлобно рассмеялся и сделал ей «козу». Девушка фыркнула, все тихонько зашумели, словно уже вкушая занятный рассказ. Однако Ниа наморщила лоб, будто принимала какое-то решение.

— В начале не было начала... — произнесла она, наконец, серьезным голосом.

Глава 2. В начале не было начала

Время – абстракция. В первородном хаосе не было не только пространства, но и времени. Даже слова «не было», «первородный» тут лишь для успокоения наших нервов. На самом деле хаос никуда не делся и ничего не породил в том смысле, в каком привычные к понятию времени понимают слово «породить». Не было никакого «начала», потому что все всегда происходит одновременно. И происходит именно «все». Поэтому оно и зовется «хаос». Хаос повсюду. Он – ворох случайностей. Все, что «где-то когда-то могло произойти», в нем происходит. И даже само его существование – случайность, потому что он случайность и есть.

Наверно, я вас запутала, но боюсь, что мне тоже само понимание хаоса и существования без времени чуждо. Ибо я была создана уже в упорядоченном пространстве. Как раз в том мире, в котором когда-то была мифическая Древняя Греция.

– Вы были созданы? Не рождены? – тут же спросил Кир.

– Создана. Разреши, я расскажу все по порядку.

В этом ворохе случайностей одна случайность заключалась в том, что некто, назовем его Абсолют, сумел оградить от хаоса некий участок «чего-то». Чего-то такого, что не сводило бы его самого с ума, ибо вся возможная информация одновременно повергает любой разум в безумие. Невыносимое безумие. Страдание. Отчаяние. Хаос.

И этот разум, достаточно мощный, чтобы не только не остаться в безумном состоянии, но и суметь выделить себе кусочек «пространства», где можно выдохнуть, перевести дух от ужаса и безумия бесконечного потока одновременных случайностей, он и есть прародитель миров.

– Не Архимаг? – всхлипнула Алайя. – Он хороший. Он нас любит.

– Не боги? – нахмурил брови Кир. – Вы ведь начали все с мифа, а в мифах были боги.

– Нет, все они были потом. Это было моим самым большим разочарованием в той жизни, которую я сейчас проживаю. Что все на свете и за его гранью создал изначально не он. Хотя тот

мир, из которого я к вам пришла, действительно создал, как вы его называете, Великий Архимаг. В том мире его называют по-разному, любая монотеистическая религия горазда придумывать новый ярлык для одного и того же... Но ведь не в именах суть. У меня у самой их множество. Главное, что он действительно есть. И он действительно все еще любит нас и верит в нас. Так какая разница, как называть того, к кому можно обращаться, но кто никогда не ответит тебе ни голосом, ни по мобильному телефону?

— По чему? — никто не понял.

— С которым нельзя связаться по водяному браслету.

— А-а-а. Так не он создал наш мир? А какой-то другой мир? Так вы пришли... — вопросы посыпались один за другим.

— Он создал очень хороший мир. Мир номер три. Мир, в котором нет места магам и богам. Но, к сожалению, чтобы оградить тот мир от всех бед, этого оказалось недостаточно. Мир попал в ловушку, о которой я расскажу чуть позже. А мы остановились на том, что Абсолют сумел оградить кусочек «чего-то» от окружающего хаоса.

Это «что-то» условно можно назвать первым миром. Хотя в нем еще не было как таковых ни пространства, ни времени. Только некое состояние. Состояние покоя, как бы его назвал вырвавшийся из хаоса Абсолют. Однако нас бы этот первый мир свел с ума в одно мгновение.

И даже Абсолюту было не по себе, потому что у него осталась память. Память о том, что творится там, за хрупкой оградой чистой силы его разума. И понимание того, что вернуться назад слишком просто. Чтобы сохранять рассудок, нужно было постоянно подпитывать невероятное число сцеплений, которые удерживают первый мир от хаоса. И стоит лишь на мгновение ослабить волю — мир скатится назад, а возврат оттуда — чистая случайность, которая, конечно, происходит одновременно со случайностью, что ничего не удается. В общем, чтобы не сходить с ума, лучше об этом было не думать.

И чтобы еще дальше отдалиться от хаоса, Абсолют придумал время. Как некую абстракцию, что отделяет настоящее от страшного начала и позволяет безумие оставить где-то в абстрактном прошлом.

Но было нечто, что не позволяло оставить все как есть. Дикий страх возврата назад, в хаос. Ноющая скука, ведь в этом клочке спокойствия просто ничего не происходило. «Подобие одиночества» от того, что в хаосе он все-таки видел проблески кого-то еще, неких взъерошенных безумных сущностей, чье возникновение и распад были так же случайны, как и его. А здесь он был один.

Итак, страх, скука и одиночество.

И тогда Абсолют, крепко держась «одной рукой» за мир созданный, окунулся в хаос в поисках этих «кого-то», чьи мгновения существования он там видел.

Они пошли за ним. В первый мир ворвался сонм теней и призраков, могущественных, как древнегреческие боги, самовлюбленных, эгоистичных. Интересных.

Увы, эти сущности чуть не повергли первый мир в хаос. Или как это еще называют, чуть не довели его до коллапса.

Абсолют задумался и, когда в очередной раз, задыхаясь от страха, едва сумел спасти первый мир от привыкших к воле хаоса,

придумал «замок». Отныне даже если мир коллапсировал, то в нем происходил лишь откат истории до «времени ноль», чтобы дать обитателям шанс исправить свои ошибки и не сорваться при этом назад, в хаос. Однако Абсолют никого не держал. Если кто-то желал вернуться от порядка к хаосу, он отпускал его, ведь те, кто стремился к безумию, были ему слишком чужды. Он сам был безумен, как и все обитатели первого мира, но ему все это совсем не нравилось.

У него были чувства. Не такие, как у людей, но были. Как он однажды сказал, разум отвечает на вопросы «как сделать?», но только чувства – на вопросы «сделать зачем?». Бесчувственный некто не стал бы создавать никаких миров. Зачем? Его бы и хаос устраивал, как некоторых тех, кто вернулся из первого мира назад.

Первый мир трясло и колотило. Созвездие бесконечно могущественных сущностей, не скованных никакими рамками, которые к тому же постоянно случайным образом перерождались во что-то еще, исчезали навсегда и создавались снова, все время приводило его к коллапсу. И хотя «замок» пока работал, он уже трещал.

Абсолют же хотя больше и не чувствовал себя одиноким, но понимал — он фактически вернулся к тому, откуда пришел. К хаосу.

Я знаю, вы не любите формулы. Их больше любят обитатели мира на оборот раньше вашего. Но формула первого мира была довольно простой «0:1?...» (значки формул появились в воздухе перед Нией). Это означает «ноль, одна непредсказуемая сущность и так далее, и на оборот». Попытаюсь объяснить: подобные непредсказуемые существа-одиночки из хаоса ведут мир куда-то дальше, но до тех пор, пока не дойдут до коллапса, тогда они наткнутся на «замок» и произойдет откат истории до «момента ноль». И все начинается сначала, хотя и по другому «сценарию».

— Звучит, как ловушка, — проницательно произнес Кир.

— В каком-то смысле — да, но так кажется лишь до тех пор, пока тебя не выбросит в хаос. Это защита. И ловушкой она становится лишь тогда, когда «сценарий» прекращает меняться. К сожалению.

Итак, первый мир сам стал лишь кусочком слегка упорядоченного хаоса. Абсолют понял,

что сущности, рожденные хаосом, не есть ответ на его вопрос «зачем?». И тогда он понял: нужны сущности, рожденные уже здесь, в упорядоченном первом мире. Те, кому порядок был бы дорог так же, как и его создателю.

Так появился «момент спарк». Момент, когда новые души нового мира начинают осознавать себя, осознавать, что они живут, чувствуют, думают. Они создаются уже с памятью, которую в них закладывает их создатель, с уверенностью, что они живут в этом мире давным-давно, что их история насчитывает миллионыдвигающих вперед оборотов[1]. И самое захватывающее: с уверенностью, что мир, о котором они помнят, но которого еще нет, уже существует.

В противовес арридию, материалу существ из хаоса, одним из которых Абсолют был сам, материал новых сущностей из порядка, душ, был назван солитьюдом.

— Это были человеческие души? — спросила женщина, прижав подбежавшую Алайю к себе.

— Да.

Сложно сказать, кто в итоге был создан по чьему «образу и подобию». Души тогда во многом походили на сущности из арридия. Но и Абсолют черпал у них идеи. Идеи того, каким должен быть мир, который еще и до конца-то, оказывается, создан не был.

И именно оттуда появились еще два материала: теноптрий — как все неживое, не имеющее разума, но обладающее максимальной стабильностью, и иммуний — как все живое, хотя не обязательно разумное, но нестабильное и дарующее «лекарство от скуки».

Из теноптрия и иммуния был создан первый мир во второй раз, произошел второй «момент ноль». И первый мир действительно начал существовать, хотя люди как существа из порядка этого и не заметили. Для них мир существовал и ранее. Это сложно понять, если отрицать первородность разума и предполагать, что изначально-то была материя и дальше «каким-то неведомым образом» появился разум.

— Может, в хаосе так оно и было? — неуверенно спросил Кир.

— Может. Но не рекомендую спрашивать о хаосе у тех, кто от него оттородился: они

вспоминать о нем очень не любят. А за правильными ответами – ныряйте в хаос сами. Без гарантий, что вы когда-либо вынырнете. И что вообще не прекратите свое существование. Ведь человеческая вера в бессмертие души основывается на необыкновенной прочности солитьюда, но она является таковой лишь в огороженном от хаоса месте.

– Что же случилось дальше?

– Слушайте.

Первый мир был совсем не похож на тот мир, в котором вы живете. И на все прочие миры тоже. Там были теноптрий и иммуний, но они принимали самые причудливые формы. И если вы когда-либо ужасались историям о призраках и тенях, они, особенно если выглядели совсем неправдоподобно, рождались из первого мира. Он все еще существует. Да все миры еще существуют, вопрос обычно в том, сколько раз они откатывались назад, оставляя в душах лишь нечто принципиально новое и созданное спонтанно – нетеноптрийную память. Иными словами, когда вы живете, то ваши воспоминания основаны на чем-то теноптрийном, на неких записях в вашей памяти. Они, конечно,

подвергаются нестабильному иммунитету и немного искажаются, но в целом — ведь вы помните, что было вчера? Это теноптрийная память. Нетеноптрийная память живет вечно. Она отпечатывается в арридии и солитьюде. И меняет их. Это не полная копия теноптрийной памяти. Нетеноптрийная память избирательна и выбирает лишь важное.

— У нее есть имя? — Алайя спросила это с придыханием, пряча ладошку в руке матери.

— Есть, хотя мне оно не нравится. Однако когда я попыталась поменять это название, те, кто повыше меня, были против. Нетеноптрийная память называется садий (иногда садий в солитьюде зовется никс). Боюсь, что это перекликается со словом «садизм», бесконтрольным получением удовольствия от чужих страданий. К сожалению, эта необъяснимая с точки зрения обычных людей вещь является прямым продолжением нетеноптрийной памяти. Памяти, которая отпечатала в солитьюде, но намного чаще в арридии, что чужая боль — благо, которое приносит удовольствие, «лекарство от скуки». Нам сложно осмыслить само понятие «настоящая

скука», ведь в наших мирах постоянно что-то происходит, постоянно надо что-то делать, постоянно идет обратный отсчет времени. Но всего этого может и не быть. Представьте мир, в котором вообще ничего не происходит, время длится бесконечно. Представили? Что ж вы будете в нем делать?

— Вы пришли мне тут людей портить? — отчего-то весело спросил Кир.

— Скажем так, проверять на прочность, — в тон ему ответила Ниа. — Садий, если он идет со знаком «плюс», способен скреплять и арридий, и солитьюд, и только он дарит истинное бессмертие и двигает историю вперед. Или ведет к коллапсу мира, если он со знаком «минус». Но знаки на тот момент еще не были придуманы.

Что же было дальше? Чудной и страшный первый мир начал приводить Абсолюта в уныние. Да, в нем было совсем нескучно, но в нем было дико страшно. И все еще одиноко. Все эти безумные одиночки, вышедшие из хаоса, дарили лишь иллюзию общения, и вообще они больше жили своей неведомой жизнью и дела им до Абсолюта не было никакого. Что касается людей (кстати, тогда все сущности были

однополы, я говорила?), то они либо тоже жили сами по себе... либо начинали нещадно эксплуатировать Абсолюта, когда он рисковал появиться среди них. Ведь он мог сделать вот это, то и еще это. И многое другое. Ну и пусть делает! Так думали люди, избалованные жизнью в первом мире. Заканчивалось все одинаково: Абсолют в гневе от человеческой лени и неблагодарности уничтожал всех людей и создавал их снова. И снова. И так далее, и на оборот.

Что-то было не так.

Что-то было неправильно.

И тогда Абсолют создал второй мир, в котором ввел понятие пола. Ввел цифру «2», ввел ту сущность, которая будет скрашивать скуку и одиночество исходной сущности. И помогать преодолевать первородный страх.

Да простит меня женский род в целом, но женщина как сущность была создана именно тогда. И отнюдь не как самостоятельная единица, а как помощница и дополнение к основной сущности.

— Отлично, еще, выходит, я рождена, чтобы быть костылем для какого-то недотепы! — вспыхнула от возмущения Алайя.

— Это негодование, что я слышу, появилось лишь в мире номер три. Подожди, мы скоро до него дойдем. И не волнуйся, лично ты и многие женщины давно стали «сами по себе». Стали ли они от этого счастливее? Не могу сказать. Но позволь мне продолжить историю.

Мир номер два пошел теми же путями. Сначала сущности мира номер один и новые сущности, сущности женского пола, стали осознавать себя. «Момент спарк» был сумбурен, но я его помню достаточно плохо, потому что все мысли были заняты конкретно им. Абсолютом. Я была создана, чтобы жить ради него.

Алайя громко фыркнула, девушка с волосами цвета воронова крыла презрительно закатила глаза. И только женщина сильнее прижалась к мужчине, который так и не поднял свой карандаш, и вложила вторую руку в его натруженную ладонь. Ниа посмотрела на этот жест с улыбкой, которая лишь едва коснулась ее

морщинистых губ. А потом продолжила. Чуть более печально, чем, наверно, следовало.

Пожалуй, отсюда родился миф об изначальном матриархате, потому что первым богом, точнее, богиней, что творила мир номер два, была (в основном) я, а не Абсолют. Я тоже была создана из арридия, но, скажем так, с изрядной порцией садия в нем. Из сплава этих материалов, зовущегося арсдалль. Самое ужасное, что Абсолют, хотя и завораживал мое сознание, казался мне истинным проклятием мира, чем-то ужасным, как и прочие сущности из хаоса, ставшие впоследствии первыми богами. Я пыталась бороться с ними, я хотела мира и процветания.

В конечном итоге я то ли проиграла, то ли выиграла. Вы можете наблюдать мои блики в мифологии, ветхой истории, древних выдумках. Гея, Гера, Гвиневра, фея Моргана, Ева... По трансформации моих имен в чем-то можно догадаться о трансформации моей нетенотрийной памяти, меня как некой сущности. Именно тогда Абсолют формально ввел понятие «души» и для богов тоже, понимая под этим именно ту самую память, которая

хранится даже после смерти и откатов истории. Просто души человеческие сделаны из солигюдa и сaдия, а души богов – из арридия и сaдия. Это сложные понятия, об изначальной сущности которых вы скорее узнаете из древнегреческих мифов, чем из религиозных учений, особенно учения Поднебесных. В его основу действительно лег написанный мной «Иваар», который тогда еще не звался мифом. Но лишь частично. Когда создавалось учение Поднебесных, речь шла о жизни и смерти, тогда было уже не до образных рассуждений. Тогда речь шла о том, будет ли ваш мир, мир номер четыре, отправляться в забвение. Или продолжит жить и станет надеждой попавшего в ловушку мира номер три.

Ответом на эту речь было лишь молчание. Настолько громкое молчание, что от него, казалось, звенело в ушах. Ниа долго смотрела, как летний ветер едва колышет кленовые листья и как по одному из них ползет черно-белый жучок, а потом продолжила.

Мир номер два так и не прошел через «момент ноль». Он создавался и разрушался, порядок в нем переиначивался в поисках того

самого порядка, который перестанет рождать хаос и разрушение вокруг себя. Который будет дарить интерес к жизни и лекарство от страха. С первым дело обстояло очень неплохо, со вторым – хуже, а с общением было хуже некуда. Если вы помните, пары для тех имен, что я назвала, всегда конфликтовали со своими партнерами. Всегда было что-то не то, чего-то не хватало. Доходило порой до абсурда.

Не лучше дело обстояло и у прочих пар. Оказалось, создать-то сущность, идеального помощника для себя, можно. И он, а точнее она, действительно будет идеальной помощницей. Могла бы быть. Но и ей почему-то хотелось ответов не только на вопросы «как?», но и на вопросы «зачем?». Зачем мне было помогать тому, кто создал меня для того, чтобы я ему помогала?

Я не была создана в хаосе, поэтому мне этого было не понять, а Абсолют не мог или не хотел тогда передать мне это знание. Скорее всего, не хотел. Ведь со всеми знаниями я бы стала еще одной сущностью из хаоса. Бесполой. Бесполезной.

Абсолют предпринял попытки улучшить положение, подарив парам блаженство от физического единения друг с другом, однако я не буду особо касаться этого вопроса.

Ниа выразительно посмотрела на Алайю, а та скорчила рожу. Ниа улыбнулась.

На какое-то время положение улучшилось. Но ненадолго. Время второго мира было временем великого поиска. Временем, когда история переписывалась несчетное число раз. Переписывалась богами, людьми, совместным творчеством. Слабые отголоски того времени видны и в третьем, и в четвертом мирах. И в том, и в другом мирах история продолжается в обе стороны: в будущее и в прошлое. Настоящая история, а не просто значки на бумаге. Иными словами, история прошлого может быть изменена, причем не только богами, но и людьми. Сложнее всего это, пожалуй, понять обитателям третьего мира. Они так верят в факты и доказательства, но не понимают, что теноптрийные факты и доказательства – это такие вещи, которые не являются постоянными величинами. Верить им – все равно, что считать круги на воде.

– Все возможно, вероятно, и ничего не определено, – глубокомысленно изрек Кир.

– Верно, – Ниа вытерла выступившую в уголке правого глаза слезу. – Первый постулат маджексматики, науки о магии. Один из признаков, который отличает мир четвертый от мира третьего: в вашем мире знают о том, что доверять надо не цифрам и точкам на каменных плитах или бумаге, а своему сердцу, связи теноптрийного мира с садием, единственным, что на данный момент является непреложным во всех мирах. Там – нет. Кажется, лишь с пониманием этого факта в вашем мире перестали считать время в часах и секундах, а стали – в дортах, переменной величине, одной восьмой дня или ночи, и биениях сердца. Перестали отмерять историю в годах, а стали – в оборотах истории, которые двигают ее вперед.

– Но как вспомогательные единицы времени, особенно для людей, секунды, часы и года остались, – передернул плечами Кир. – Но вы правы, это все такие неточные величины. Как раньше на них могла основываться наша цивилизация?

– Как? Первый постулат маджексматики. Все возможно... и так далее, – рассмеялась Ниа. – Мы ушли от хаоса не так далеко, как нам может показаться.

– Но у нас хороший мир! Хороший! – громко заявила Алайя и растерянно огляделась. – Почему вы молчите? Ведь хороший же!

Все стали прятать глаза от ее пытливого фиалкового взгляда.

– Боюсь, тебя уберегли от последней попытки темных магов захватить власть, – не выдержал Кир, когда тишина стала почти гробовой. – Она произошла не так давно, меньше года назад. Если бы не вмешательство безымянного мага времени, мы бы все или погибли, или опять настали бы «темные времена». В этом смысле я немного завидую этому вашему миру номер три, где нет магов и богов, а значит, нет и разрушений, которые они могут нести при желании.

– Но там есть люди, и даже (относительно немного) люди с паранормальными способностями. К сожалению, обычные люди и без магов и богов нашли способы нести не менее страшные разрушения... Зачем это им? – Ниа

наморщила лоб, но потом лишь покачала головой. — Кажется, это в их сущности. Они никогда не ведали хаоса, и он их бессознательно притягивает, как все неизведанное. На самом деле он притягивает всех нас, но их особенно. Не всех. Но многих, к сожалению. В этом еще одно отличие богов и магов от людей. Боги и маги обладают арридием изначально, но люди способны обрести его часть, иногда даже достаточную, чтобы стать богом или магом, лишь тогда, когда в их сердце горит вечный огонь любви и доброты. Тот самый огонь, который якобы был украден у богов Прометеем в Древней Греции. Да не было никакого воровства. Этот огонь способен зажечься в душе у каждого: бога, мага, человека — пришел он из хаоса или нет, мужчина это или женщина. Тот, кто на самом деле был Прометеем, сам был сущностью из хаоса, одним из первых, у кого этот огонь вспыхнул в груди и зажег стремление созидать и жажду жизни. Он один из первых получил ответ на вопрос «зачем?». К сожалению, в мире номер три он никогда не рождался, как, собственно, и Абсолют.

– Что же было с миром номер три? – Кир спросил это со странным воодушевлением. – Вы сказали, что это очень хороший мир.

Второй мир с треском лопнул. Хотя в нем было гораздо больше порядка, чем в мире первом, но и хаоса предостаточно. Тогда же начали создаваться первые оборотные миры. Первые обороты были, как их можно назвать, «стволовые», то есть они создавали оборотный мир как наследника и порождение предыдущего – так второй мир стал продолжением первого. Но вокруг второго образовался целый ореол веток оборотных миров, отходящих от ствола. Они существовали, потому что так было угодно богам и так было угодно Абсолюту, чья жажда поиска «лекарства от скуки» не утолялась даже сумбурным вторым миром. Идеи этих миров исходили и от людей и иногда приводили к очередной переписи истории. Иногда оборотные миры из веток вплетались в ствол.

Тогда же во втором мире появились маги, иными словами, смертные боги разной силы, но обычно – существенно меньшей, чем у богов. Магами могли быть и люди. И даже – новое для второго мира – люди, тянущиеся к разрушению.

И они тоже могли овладеть частью арридия, хотя «божественный огонь» был им недоступен.

Когда ветка оборотного мира с магами, особенно – с темными магами, вплелась в ствол, второму миру был подписан смертный приговор. Люди как изначально сущности, не знавшие хаоса, получившие силу и мощь арридия, нацеленную как на созидание, так и на разрушение, привели второй мир к очередному коллапсу.

Именно с тех времен в нетеноптрийной памяти людей остался страх не только перед богами, но и перед магами.

И именно на этой волне был создан мир номер три, а мы, существа из прошлого, остались за бортом. Это только кажется, что взаимосвязь людей и магов – особенность мира номер четыре. Она была всегда. Сущности, созданные из хаоса, и сущности, созданные из порядка, не могут существовать друг без друга. Для первых люди – источник жизненной силы, «лекарство от скуки, страха и безумия», те, кто наполняют их жизнь смыслом. Хотя и не всегда тем смыслом, каким бы хотелось самим людям, не всегда светлым, но все-таки они дают ответы

на вопросы «зачем?». А люди решили, что ни боги, ни маги им больше не нужны. Зачем? От них слишком много хлопот, они обычно слишком эгоистичны и тянутся к разрушению. А люди не таковы. В их основе порядок. Космос. Тенотрий и иммуний. Вот что отныне должно было стать основой мироздания.

— Это был выбор людей? — спросил Кир, который слушал Нию, словно пророка.

Девушка с черными волосами от его голоса поморщилась. Алайя насупилась. Женщина растерянно посмотрела на мужчину, который лишь подобрал упавший карандаш.

— Все всегда — выбор людей, — Ниа печально опустила голову. — Богам, магам не нужно делать выборов, потому что для них всегда можно вернуться в мир номер один или два, в любой из оборотных миров вокруг него или создать новый и творить, что угодно. Но они уже все, что угодно, сотворили, и им просто скучно, вот они и кружат вокруг людей как источника вдохновения и жизненной силы. Как фактор случайности, который так интересно разгадывать снова и снова. Зачем им люди? А

зачем им без них еще жить? Без людей и боги, и маги потухают, потому что «зачем»?

— Что-то сила магов в нашем мире зависит не только от этого, — покачал головой Кир. — Сила магов напрямую зависит от жизненной энергии душ людей в их ведении. Даже у темных магов, хотя у них — в меньшей степени. Если люди будут мелочными и жалкими, их сила магам будет бесполезна. А вот мощь одной сильной человеческой души способна подарить магу, который покровительствует этому человеку, великую магическую силу без какого-либо ущерба для самого человека. Ведь маги используют лишь ту душевную энергию человека, что и так излучается вовне. И у темных магов — то же, хотя там все гораздо сложнее. Однако во время древних магических войн темные пытались вывести некий «сорт» людей наподобие муравьев. Чтобы размножались и служили для магов кормушкой, дарующей магическую силу. И не дергались.

— И что, удалось? — в фиалковых глазах Алайи зажегся огонек. Нехороший огонек.

— Угу, удалось. Сорт людей-муравьев вывели, они стали размножаться, сила тех

темных магов — расти... — Кир смотрел за Алайей очень внимательно, но увидел на ее лице зарождающее отвращение и продолжил рассказ уже спокойнее. — В общем, потом еще долго-долго в эту область прочие маги даже попасть не могли. Спасти тех темных и людей было невозможно, а любой забредающий в те края маг... сам начинал строить некий муравейник и быстро терял облик разумного существа. Взаимосвязь людей и магов оказалась не так проста, как думали поначалу. Это тоже легло в основу учения Поднебесных, не только «Иваар».

Ниа погладила Алайю по голове.

— «Иваар» изначально был написан не для вашего мира. Он был написан для мира номер три, чтобы спасти его от очередного коллапса. Коллапса, который некому было предотвратить, ведь в нем даже без магии был начат подобный процесс измельчения многих душ (не буду касаться этого подробно, ведь вам это уже не грозит). Простите, я опять забегаю вперед, постоянно сбиваюсь. Но я видела столько откатов истории, что мне уже становится страшно.

— Сколько раз откатывалась история нашего мира? — Кир спросил это с придыханием. Казалось, еще немного — и он попросит того ответа, какого ему хочется, а не правды.

— Пока ни одного. Но я еще расскажу об этом, — пообещала Ниа. — Итак, мир номер три.

Мир номер три пришел на смену миру номер два. Его авторами были люди. Это только кажется, что слова — лишь слова, значки на бумаге. Но это единственный сохранившийся способ общения людей мира номер два с богами. Люди рождали идеи. Боги их реализовывали. Где-то, как-то, в стволовом мире или в мире-ветке. Не все. Не всегда. И все-таки у богов как у существ из хаоса было слишком много идей. Какую было выбрать? И зачем? Потому зачастую выбирались идеи людей, и мир снова сотрясаясь от изменений.

А что же тогда было с Абсолютом? Он, устав от созиданий, все это время отдыхал, развлекался, наслаждался миром в целом, который так любезно обустроивали чем-то занимательным боги, маги и люди. Общался и с противоположным полом, как и его «пара». Именно тогда появились слова «инкуб» и

«суккуб». Это было новое, неизведанное и потому – интересное. Такие понятия, как «верность», «мораль», тогда были существам из арридия чужды. Они как нечто массовое появились среди людей. Отвращение к богам как к существам, чуждым морали, было еще одной причиной, положившей конец миру номер два.

– Но были и хорошие боги, – Кир и Алайя произнесли это одновременно и недоуменно переглянулись.

– Людям было свойственно приписывать существам из хаоса хорошие черты, когда те творили добро. Но боги и маги это делали не из большой любви к людям. Они делали хорошие вещи, потому что «так интереснее». Понимаете, если все разрушать, то все разрушится, и что дальше? Скука? Бесцельность? Откат до «момента ноль» первого мира?

– У светлых магов тоже? Они из арридия... и им тоже просто «интереснее»? Я не верю! – в голосе Кира звучали гнев пополам с неверием. Нежеланием верить.

– Существ из чистого арридия уже не осталось: у всех сейчас есть какая-то память, хорошая или плохая. Светлые маги созданы из

арсдалля, обычно имеющего знак «плюс». Не у всех, потому что иногда по наследству приходит память со знаком «минус». С ней можно и нужно бороться, как и темным магам. Потому что... — Ниа закапшлялась, — так интереснее.

В основу мира номер три легли «мораль», «нравственность» и «человек». Отдых от бесконечных дрызг богов и магов. Даже своего бога, светлого бога, созданного из арридия и садия со знаком «плюс», люди сначала ненароком казнили. Ну, по привычке. Богам-то обычно было все равно: казните, сколько угодно, возродимся и отплатим — но этот бог был особенным. Он был смертным. И он был создан другими богами из мечтаний людей о боге, который бы любил людей и творил бы добро. Богам было интересно, что из этого выйдет. А вышло то, что вышло.

Бог-то был смертным, но он был — бог. Он возродился сам и начал переписывать историю. И создал мир номер три. Мир людей, за которым остался лишь наблюдать затем из мира номер два, как и все прочие боги. Наблюдать и управлять случайностями. Только он. Такова была особенность мира номер три — ни путей,

ни дорог, ни управлений случайностями у прочих богов до него не было.

Осталось придумать, как перенести туда людей. Мир номер три запрещал все переходы и для них тоже, и новый светлый бог не хотел оставлять ни одной лазейки в это убежище от хаоса.

Переход в мир номер три был возможен лишь для душ. Людей и даже богов, но только при условии, что эти боги родятся в том мире смертными людьми. Их сила будет при них, но порядок мира номер три запрещал ее применение в принципе. Боги и маги становились просто людьми. Чудеса остались в прошлом. В виде мифов, легенд, сказок и историй.

Чтобы переместить души в новый мир, нужно было убить всех людей. Так был устроен всемирный потоп. Вынужденная мера, которая осталась потом лишь мифом в нетенотрийной памяти людей.

История сдвинулась на оборот. В формулах мира появилась мораль, появились знаки. «1?+...» (хорошее бесконечно и так далее, и на оборот), «1?-...0» (плохое рано или поздно приводит к

коллапсу) и формула равновесия, баланса «+/-..» (для сохранения мира хорошее должно уравнивать плохое, и наоборот). Без последней мир не мог бы быть создан из-за взрывного расхода или выработки энергии (с последующим выходом в хаос).

Жизнь внесла свои коррективы. Первая формула оказалась несостоятельной, потому что для нее надо было откатывать всех до бесполок существ. Потому первая формула стала «2?..» (единство и борьба двух сущностей и так далее, и на оборот). Этого изменения требовала и формула баланса.

И отчаявшись привить привыкшим к раздольной жизни людям мораль (а они любили, чтобы морали следовали все, кроме них самих), бог невольно породил своего антипода. Вторую сущность, могущественную, отрицательную и бесконечно несчастную. Потому что необходимость наказывать, да еще так сурово, чтобы уравнивать антипода, претила ему, порождению мира номер три, не меньше, чем его прародителю. Но так было необходимо для сохранения баланса – и чтобы «ни шагу назад»,

«откаты истории в прошлом», люди должны стать лучше, люди – «наше все».

– Я где-то все это уже слышал, – Кир выглядел растерянным.

– Это из мира номер три, давшего начало миру вашему. Вполне возможно, ты помнишь эти фразы, когда еще жил там. Возможно, нет. Возможно, я опять по привычке переписываю историю. Привыкла относиться к своим историям беспечно, так как в мире номер три они были просто историями. Это в старом мире номер два я была не просто очередной сущностью, я была еще и мойрой, паркой (только жизни не отрезала – это делала сущность из хаоса, самые известные имена которой Лилит, Смерть). Ни один «момент спарк» после моего создания без меня не проходил. Однако в мире номер три он был не нужен. Все души были перемещены из мира номер два. А полотна и истории судеб остались в прошлом: в мифах, историях и нетеноптрийной памяти.

– И в ночных кошмарах, – повел плечами Кир. – Что может быть хуже predetermined судьбы? Свобода воли... – и добавил

издевательским тоном, – разве без нее интересно?

– Нет. Поэтому далеко не все судьбы были predetermined. Но какие-то predetermined судьбы были нужны, потому что «так интереснее»: чтобы держать людей на уровне, достойном внимания богов, чтобы подпитывать людей энергией хаоса, которую они отрицают, но которая им все же была нужна. В мире номер три этой цели служат настойчиво навязываемая мораль и угроза антипода хорошего бога. Ничего лучше эти двое не придумали.

– Мир номер три сделал людей лучше? – Кир даже придвинулся ближе.

– Слушай дальше.

Люди, существа из порядка, поначалу были безмерно рады, что и маги, и боги остались призрачным воспоминанием. Мир стал безопасным, хотя и потерявшим изрядную долю жизненного интереса – и теряющим силу своих душ. А бог, тот самый, первый, и на тот момент единственный бог, который искренне хотел сделать мир лучше, радовался. Ведь таким мир и должен быть: неспешным, спокойным и по-своему счастливым.

Не рады были маги и прочие боги. Ведь их лишили любимых игрушек! Им снова стало скучно в мире номер два, из которого попасть в мир третий было просто невозможно. Если не стать смертным, лишиться своих сил, лишиться памяти и дальше надеяться лишь на силы человеческие.

А ведь это интересно!

Один за другим они лишали себя бессмертия и рождались в мире третьем. Не все. Абсолют, я и некоторые другие остались в мире два. Как наблюдатели. Это было не так интересно, как участвовать, но и не так скучно, как оно было поначалу.

Существа из арсдалля, даже став смертными, привнесли в третий мир яркие краски. Жизнь закипела и забулила. И далеко не всегда они становились маньяками и убийцами. Многие великие «люди» были такими вот переродившимися, они двигали историю вперед, учились и учили жить в новом мире красиво, захватываяще, на грани возможного. Кажется, понятие красоты снова внесли в мир именно они как нечто, что могло бы компенсировать нехватку волшебной силы.

Прошло время, и началась отдача по формуле баланса. Все было слишком хорошо (хотя и не совсем так, как хотелось бы тому богу), но все же весьма неплохо. Однако любой, кто вводил в мир знаки, понимает, что слишком много плюсов породят слишком много минусов, чтобы в сумме был ноль. Формулу баланса можно было даже не вводить, она ввелась бы сама, едва в формулах заиграли бы плюсы и минусы. Это защита: слишком много минусов неизбежно породят слишком много плюсов — рано или поздно и неотвратно. Но и наоборот. К сожалению.

Начались войны, голод, нищета, болезни, природные катастрофы. И остановить их было некому. Больше не было парки, которая бы вплела нить героя, выровняла бы баланс. Нужно было справляться собственными силами, надеясь на одну лишь формулу.

Конечно, люди не знали, но именно тогда все смертные из арсдалля переключились на сторону, отмеченную знаком «плюс». Вынужденно. Потому что в очередной раз сработала формула баланса. Они сражались с бедой бок о бок: люди, маги, боги. У них

рождались общие дети, и арсдалль множился. Ведь даже крохотная песчинка сильной души способна вырасти в полноценную душу. Не только из солитьюда, но и из арсдалля. Этот мир все еще был жесток и страшен, порой не меньше, чем мир второй, но в сердцах многих людей, а ведь все тогда были люди, горел вечный огонь, который передавался от одной сильной душе к другой и зажигал в них звезды. Был ли счастлив тот самый бог где-то в мире номер два? Это было не то, что он хотел, но он верил в людей, в то, что вместе они смогут сделать мир лучше. И станут лучше сами.

Хотя по-прежнему какие-то существа из арсдалля порождали тьму, и даже человеческих сил было для этого предостаточно. И люди им вторили, неизведанный хаос все еще их привлекал и завораживал. Формула баланса работала в обе стороны. Мир все еще постоянно находился на краю гибели, но всегда что-то происходило, формула баланса срабатывала, все выдыхали, и жизнь, тяжелая, трудная, но интересная, продолжалась.

В это непростое время множились истории. Столь же яркие, как и сама жизнь. Множился и

ореол порождаемых оборотных миров-веток вокруг ствола. Не без помощи Абсолюта из мира номер два, который вместе с прочими его обитателями с энтузиазмом путешествовал меж них. Это было безумно интересно. Он уже нисколько не жалел, что разрешил третий мир. Такое богатство фантазии ему и не снилось.

И опять все были довольны. Но кроме кого-то. Кого? Людей. Им-то, существам из порядка, тяготы жизни не нравились. Размеренная, спокойная жизнь – вот то, чего им хотелось, как и порожденному ими богу.

И они начали добиваться того, что стало началом их конца.

Глава 3. Ловушка, из которой нет выхода

Я тоже была среди тех, кто жил в третьем мире, я не говорила? В какой-то момент то, что мы путешествовали по оборотным мирам, Абсолюта устраивать перестало. Не хватало остроты ощущений – тех самых, которые лечили скуку бесконечно могущественных существ. И тогда я отправилась в третий мир, и мы продолжали держать друг с другом связь (Абсолют все-таки был очень силен), хотя

старались хранить это в секрете от прочих людей. Тот самый бог (вы разрешите, я буду звать его Архимаг, как в вашем мире?), а то он-то на самом деле один, – так вот, Архимаг поначалу был не против.

Мир менялся. Люди делали его, к своей радости, удобным и безопасным. Конечно, формула баланса работала, поэтому люди «зарабатывали» вдобавок к комфорту приличное число проблем. Но всякий раз с ними справлялись. Иногда я в этом участвовала, иногда нет.

А потом случилось нечто. Архимагу надоело, что сделанные из арсдалля начали переговариваться с теми, кто остался в мире номер два. Ведь Абсолют создал ради меня такую возможность, и это был такой большой соблазн для всех прочих из арсдалля! Стали от этого люди хуже? Кто знает. Может, и стали.

Разговоры с оставшимися в мире номер два были прекращены. Остались лишь смутные обрывки, которые и разговорами-то назвать было нельзя. Пришлось набраться терпения. А мир продолжал катиться к благополучию, что дергало формулу баланса за хвост и порождало

минусы, которые Архимак из всех сил старался уменьшить. Общий уровень довольства все-таки рос, а минусы как бы оставались где-то на фоне. Комфорт расслаблял людей и лишь заставлял возмущаться, когда очередной минус нарушал такую умеренную картину мира.

У этого мира не было шансов.

Люди (и это всячески поощрялось) перестали задаваться вопросом «зачем?». Все просто: ради удовольствия.

– Стали прямо как боги, – хмыкнул Кир.

– Нет, – Ниа выглядела расстроенной. – «Потому что так интереснее» и «потому что это доставляет мне удовольствие» – вещи разные. Мне жаль, что ты этого не чувствуешь. Ты, маг.

– Оба варианта эгоистичны. Простите, разницы я не чувствую.

– Жаль...

Многие люди перестали мечтать о чем-то большем, чем повседневные заботы и удовольствия. И самое страшное, что люди, от которых это зависело, всеми силами именно это и поддерживали, выращивали себе «людей-

муравьев» без магии. Люди из разумного общества, где у каждого в душе горела звезда, а в сердце — вечный огонь, скатились к сборищу одиночек в человеческом стаде (к чему их и вела исходная формула третьего мира). Но им было хорошо. Они даже привыкли к минусам где-то на фоне. «Опять где-то авария, поезда столкнулись. О, мошенник облапошил лопухов на деньги, кто-то украл очередные миллиарды из бюджета, взорвали что-то... Да, мам, я пообедал! В новостях ничего такого нет, можешь не читать!» Люди привыкли, что комфорт заменяет им жизнь, что звезда в душе сменилась сытым желудком и развлечениями. Таким было просто смириться с постоянным дождем минусов: если они у кого-то там, далеко, то ладно, ну а что касается конкретного человека... вероятность ведь низка, так? Ну а по кому вероятность была, конечно, стонали и плакали. Им даже сочувствовали. И даже помогали, но... Формула баланса переставала работать как должно. Потому что комфорт, сытость, различные развлечения в избытке считались плюсами — достаточными, чтобы породить минусы.

— Разве нет? — подала голос девушка с черными волосами. — Главное, чтобы в душе

горела какая-то звезда! Вас саму эта звезда спасет, если дома будет нечего есть? Если на вас пойдет бандит с ножом? Это что, не важно?

— Люди слишком привязались к своим телам, — покачала головой Ниа. — Когда-то они знали, что следом за этой жизнью будет следующая, и еще одна, и так до бесконечности. Были умельцы, что гадали на умерших: узнавали, как они там; говорили с ними. Но в мире номер три это знание было объявлено вне закона. Чудеса кончились. Засилье фактов и доказательств утверждало: жизнь одна, поэтому за нее нужно цепляться всеми конечностями. Даже учение Архимага о жизни после смерти в неких оборотных мирах под руководством его лично и его антипода было потому предано забвению, как сказки. Нельзя верить ничему, что нельзя пощупать руками и что не подтверждено цифрами. А значит, ни награды хорошим людям, ни наказания плохим после смерти не будет — ведь тому нет доказательств! Мораль, и до того бывшая не на самом высоком уровне, покатила вниз. Да, кто-то верил и кто-то даже пытался следовать учению Архимага, но так... чуть-чуть. С оговорками. Ведь оно «устарело».

— Вы не ответили! На вас идет бандит с ножом. Что, вы будете ему мораль читать? Рассказывать, что у вас в сердце горит какой-то огонь?

— Возможно. Возможно, у «бандита» где-то на чердаке сознания еще валяется его потухшая звезда. Может, его самого довели до голода? Или его дети голодны? Может, это я случайно или намеренно виновна в его бедах? Может, я могу помочь?

— Иными словами, вы дадите ему денег? Столько речей, а результат — один, — девушка фыркнула и скрестила руки на груди.

— Ты не поняла. Помочь — это не просто дать денег и пойти дальше. Это помочь человеку начать новую жизнь, помочь эти деньги зарабатывать, чтобы завтра он снова не стоял с протянутой рукой или не рыскал в темных переулках с ножом в руках и блеском в голодных глазах. А потом (и только потом!) помочь ему найти ту самую потухшую звезду где-то на чердаке его сознания и передать его замерзшему сердцу немного тепла. Искру огня, что когда-то был зажжен и будет гореть, пока во всем мире

существует хотя бы один человек, хранящий его в своей груди.

— Я, конечно, еще не совсем взрослая, — вмешалась Алайя, смахивая брызги с браслета. — Но и не ребенок. Вы что-то не очень сейчас похожи на тех, чьи имена называли. Я прочла через браслет, они были плохими. А вы говорите, как Поднебесная!

— Прости, ты все-таки еще не совсем взрослая, так что позволь, я не буду тебе рассказывать, почему на звание Поднебесной я никогда не претендовала. Но ты права. Я изменилась. Существа из арсдалля по мере жизни в мире номер три обрели богатую нетенотрийскую память. Она меняется при жизни текущей, она переходит и далее. Это самый великолепный успех Архимага — увести по своим стопам многих прочих из арсдалля, даже существ, вышедших из хаоса. Когда находишься в смертном теле, все чувства обостряются, а опыт получается намного ярче. И усваивается лучше. Чтобы понять чужую боль, нужно эту боль хоть раз почувствовать самому. Не обязательно в жизни текущей, но нужно. Без опыта нет истинного сочувствия.

— И нет истинной любви? — спросила женщина, почему-то наполовину спрятавшись за мужчину с карандашом за ухом.

Ниа едва заметно вздрогнула, а Кир, заметив это, настороженно приподнял голову.

— Любовь... сложное понятие, — помедлив, сказала Ниа. — Пожалуй, это еще один огонь, который передается от сердца к сердцу. И изначально он возник в сердце человеческом...

Все вокруг зашумели. Как же! Люди в чем-то были первыми! Женщина что-то шепнула мужчине, улыбаясь. Кир передернул плечами, а Алайя сосредоточенно наморщила лоб.

— Но боги... маги... они знают любовь? — наконец осторожно спросила женщина, метнув быстрый взгляд на Кира.

— Как и люди. Кто-то знает, кто-то нет. Кому-то повезло больше, кому-то меньше. У них в этом смысле есть преимущество — просто больше времени на поиски, но и серьезный недостаток (или тоже преимущество) — браки магов разорвать нельзя. Это физически-магическое единение организмов мужчины и женщины, оно необратимо в текущей жизни.

— А боги? — выпалила Алайя. — Ведь маги смертны, но боги-то нет — они что, женятся навечно? Или боги остались в прошлом?

Ниа помедлила перед ответом.

— Боги до самых недавних времен любви не знали. Физические удовольствия от общения с противоположным полом — да, они их и придумали, а после образования четвертого мира — еще и соприкосновение магий. Знают понятие «помощь» внутри пары, пожалуй, даже больше, чем люди или маги. Но я не уверена, что боги понимают слово «любовь» в полной мере. Боги помимо арсдаля включают в себя чистый арридий, а он не очень приемлет такие слова. Посмотрим, что будет дальше.

— Но боги еще остались?

— Почему они должны исчезнуть? Просто в четвертом мире у них гораздо меньше воли, чем во втором. Хотя и больше, чем в третьем. Знаешь, боги создали миры, в которых мы живем. Как-то глупо полагать, что они их создали и теперь смиренно вернутся в хаос.

Ниа улыбнулась, но потом на мгновение закрыла глаза.

— Но как же Великий Архимаг? — задал вопрос Кир с горящими глазами. — Во всех учениях говорится, что он нас любит и... а вы говорите, боги любви не знали.

— Насчет Архимага не знаю. Он с самого начала был «человеческим богом». Но по прошествии длительного времени он несколько от людей устал: слишком... слишком много разочарований. Вот хотя бы... вы знаете символ Поднебесных?

— Глаз на треугольнике, — быстро отозвался Кир. — Как символ того, что Великий Архимаг наблюдает за нами с высоты.

— Нет. Изначально треугольник не означал высоту. Он означал огонь. Если вы помните, то первого Поднебесного сожгли на костре. Это то, что Архимага буквально убивает. То люди из третьего мира обожествляют символ креста как символ его страданий, то в вашем мире — повсюду символ пожравшего его огня. Вот вам бы хотелось, чтобы повсюду были знаки, которые напоминали бы вам о самых жутких событиях вашей жизни?

— Я передам главе Поднебесных на ближайшем собрании Совета, чтобы символ

Поднебесных сменили, – выпалил Кир. – То, что вы говорите – ужасно. Ни у кого и в мыслях не было...

– Что у Архимага могут быть чувства? – рассмеялась Ниа. – Они есть. И еще какие! Вы помните, что я рассказывала вначале? А иначе «зачем что-то делать»? Хотя и официальные версии учений в обоих мирах их как-то отрицают. Спокойнее, что ли, всем думать, что за ними смотрит кто-то односторонне чувствующий? Любить всех людей и магов может, но и все. Это единственное чувство, которое ему разрешено. Хотя это так не во всех учениях третьего мира, где-то ему приписывают... а, что вам рассказывать: в вашем мире учение об Архимеде одно.

Ниа помедлила.

– Он сам долго думал, что ему разрешено лишь быть хорошим. В частности, это привело к формированию антипода Архимага. Ведь если кому-то разрешено лишь всех любить и нести благо, то формула баланса требовала: должен быть кто-то, кто «все наоборот». И раз они не сотрудничают, то должны бороться. А все потому, что была попытка ввести формулу

«1?+...» в двуполоый мир. А ведь два пола были введены Абсолютом не просто так. Мужчина и женщина должны были помогать друг другу, нести облегчение в скуке и страхе жизни и быть в какой-то мере единым целым, что вы видите в магических браках. Однако в мире номер три вместо понятия «пара» появилось понятие «два по одному». Мир номер три по своим формулам – мир одиночек. И тем удивительнее, что людям удалось сохранить исходный замысел понятия «пары» и пронести его сквозь века. Во многом помогла самопроизвольная трансформация распадающейся формулы одиночек в «2?..», однако она же породила множество антиподов, бессмысленную борьбу с ними... В двух словах: все сложно.

– Я не хочу ни с кем быть «единым целым»!
– вспыхнула Алайя. – Я сама по себе, я хочу сама решать, что и как мне делать!

– Твои слова – наследие мира номер три, – вздохнула Ниа. – Но ты серая, ты можешь просто не заключать магический брак, а только брак человеческий. Или вовсе не выходить замуж.

— Алайя, ты не понимаешь, какое это счастье — видеть родителей вместе и знать, что это на всю жизнь, — печально вздохнул Кир. — У моей матери магия мужского типа, а значит, подобное «единство» не для нее. Она ушла к другому магу, оставив за собой печаль отца и мою печаль.

— Там, где не срабатывает чистая магиофизиология, должны помогать чувства, и в данном случае — любовь, — серьезно произнесла Ниа. — Подожди, не печалься, Кир. Все еще может наладиться. И сердце твоего отца тоже может зажечься пламенем любви. Ведь именно ее не хватало твоей матери, и потому она ушла.

— Откуда вы знаете?!

— Я знаю твоих родителей. Обоих. Лучше не спрашивай, что у нас было за знакомство, ты будешь разочарован.

— Но...

— Я знаю очень многих верховных и старших магов. Не всех. Но твоих родителей я знаю. Они оба очень хорошие, но... я не имею права рассказывать тебе подробности, спроси

лучше у них. Если они сочтут нужным, ты все узнаешь. Сколько, говоришь, тебе лет?

— Сто двадцать четыре. Я родился уже тогда, когда... все полетело ко всем айкроменам.

— Знаешь, лучше не упоминай магов тени. Поверь, с Тенью шутки плохи, — покачала головой Ниа. Потом улыбнулась, начала поднимать руку, но прервала движение. — Какой же ты еще молодой. Не удивительно, что я не знала тебя лично раньше. Я потеряла счет времени в вашем мире, когда вернулась в мир третий.

— Зачем? — тут же спросила Алайя. — Чем третий мир лучше нашего? Наш лучше!

— Думаю, обитатели третьего мира с тобой не согласятся, — Ниа потрепала девочку по голове. — Хотя... их нетеноптрийная память рассказывает про чудеса, и им так хочется, чтобы волшебство существовало. Но та же память рассказывает и про волшебные беды второго мира, так что они и хотят чудес, и их боятся. Боятся, наверно, больше. В третьем мире, в почти полном отказе от магии, им приходится искать очень сложные пути существования. Сложные чрезмерно, готовые рассыпаться в

любой момент от малейшего дуновения из-за своей противоестественной структуры. Но они их находят. Даже сейчас их уровень комфорта зашкаливает.

– Но они при этом теряют в силе духа? – Кир пытливо посмотрел на нее. – Вы про это говорили. И про то, что уровень комфорта в формуле баланса порождает минусы.

– Да, теряют, и это один из минусов, пришедших из формулы баланса третьего мира. Вам в этом смысле повезло. В четвертом мире формула баланса умнее.

– Какая она? – Алайя вся подобралась ближе и даже ткнулась головой в бок Нии, чтобы та все рассказала прямо сейчас.

Кир улыбнулся и махнул рукой. В воздухе солнечным светом загорелись значки.

2?+..

2?+...30p

1?-...0

0/= /0

– Последняя – формула баланса. Правда, смысл параллельного «равно» я еще толком не

понял, его объясняют на старших курсах. Но это формула баланса. Ведь так? Нас этому учат.

– Формулы верные, – кивнула Ниа. – Но в основу четвертого мира их легло гораздо больше. Он намного сложнее всех когда-либо созданных предыдущих миров. И судя по тому, что сумел безболезненно пережить один варканумный откат истории, направление пути выбрано верно.

– Но вы говорили, у нас откатов не было...

– Кир, я говорила про откаты, как в третьем мире. Дело в том, что само создание такого понятия, как варканум, «воображение бога», было начато именно в нем, но создан варканум был лишь в мире четвертом. Как некое пространство, где в начале создаются оборотные миры. И если они доказывают свою жизнеспособность и «безоткатность», то миры переходят в пространство теноптрия. Прочие вещества существуют и в том, и в другом пространствах. Прелесть варканума состоит в том, что он пронизывает и так называемые теноптрийные миры. Он пришел как замена пустоте третьего мира и проводник магии (как эфир в мирах перед третьим). И как возможность самого

плавного и безболезненного отката истории: даже если что-то пойдет не так, всем будет достаточно просто уснуть... И проснуться либо в прошлом, если исправления слишком глобальные, либо в настоящем, если мир еще можно исправить, не откатывая историю. Последнее и произошло в вашем мире. Но это уже история твоей матери, не моя.

– Моей матери?! – потрясение Кира было настолько велико, что, казалось, разлилось вокруг и его можно было черпать ложкой.

– Да, ее. Она обязательно тебе расскажет эту историю потом. Когда сама вспомнит.

– Расскажите вы! Я должен знать! – дыхание Кира сбилось. – Я – Солнечный, и если нашему миру грозят какие-то откаты, я должен помочь их избежать!

– «Я могу помочь, значит, я должен», – любимая фраза первого Солнечного, – Ниа чуть прикрыла глаза.

– Вы и его знали?

– Я знала многих. Я была... как говорят в третьем мире, куратором вашего мира, пока он еще не миновал гребень теноптрия. То есть пока

он был просто еще одним оборотным миром в «воображении бога». И лишь когда ваш мир доказал, что достоин стать преемником третьего, и стал теноптрийным, я отошла от дел. Это произошло уже после варканумного отката вашей истории, под конец которого меня отбросило назад, в мир третий.

— Вы что-то сложно говорите. В воображении какого бога? — надув губы, задала вопрос Алайя.

— Абсолюта. Поскольку я находилась в мире третьем, то была лишена каких-либо особых сил и выступала лишь источником идей. Идей, записанных на бумаге и вообще на чем придется, поскольку это осталось единственным способом общения людей с богами. Идея «Иваара» Абсолюту понравилась, и так зародился ваш мир. Жаль, что многие мои записи были утрачены — это опять сработала пресловутая формула баланса третьего мира. Ведь и в нем самом с момента написания «Иваара» прошел откат полноценный. История снова откатилась до нуля, снова произошли более-менее те же самые события. Впрочем... обитатели третьего мира к этому привычные. У них даже понятие

такое есть — «дежавю», когда они вдруг вспоминают то, что уже было. Откаты их истории происходили слишком много раз. Той ветке, где был написан «Иваар», повезло больше, человечество продержалось дольше... и все-таки почему-то откат опять произошел. Я не знаю, почему — я в то время была в мире вашем.

— И вы написали «Иваар» снова? — Кир поднял руки ладонями вперед и тут же опустил, а потом посмотрел на Ниу как-то растерянно.

— Нет. Зачем? Свою цель он уже выполнил: ваш мир был создан. Но я написала «Миф об Ивааре», чтобы... чтобы люди знали: мир номер три раньше был загнан в ловушку бесконечных откатов истории, из которой не было выхода. Теперь этот выход есть. Мир, в котором новое «волшебное число» — четыре. Мир, в котором «все возможно, вероятно, и ничего не определено».

— Вы хоть вкратце расскажите, что там было, в изначальном «Ивааре», — попросил Кир. — А то вроде все понятно, но с другой стороны, не понятно почти ничего. Как же все это было? И про откат в нашем мире расскажите.

— И про любовь, — попросила Алайя.

Девушка с черными волосами фыркнула.

— Я сама толком многого рассказать не могу, моя теноптрийная память откатывается вместе с историей, — вздохнула Ниа. — Но есть еще память нетеноптрийная...

Глава 4. Миры внутри миров

— Для начала давайте заключим соглашение об именах... — начала Ниа.

— Утка! Она, похоже, готова. Я пойду принесу, — оборвала ее женщина и заправила прядку волос за ухо. — И компот. А то мы вас заслушались и совсем забыли о времени. Оно, конечно, абстракция, но от этого понимания утка не приготовится. Подождете меня?

— Конечно, — кивнула Ниа.

Женщина аккуратно поправила пачку альбомов на скамье, пригладила растрепавшиеся волосы на голове дочери и ушла. Все зашумели, начали громко обсуждать услышанное. Больше всех возмущалась «глупыми старушечьими сказками» девушка с черными волосами. Ниа слушала их всех с легкой улыбкой, а Кир не выдержал и спросил у девушки:

— Почему ты всегда такая... своевольная? Вечно все говоришь наперекор.

— А я пришла длинным сверкающим тоннелем из третьего мира, — передернула плечами она. — Если ты не понял, то я шучу. Но все эти рассказы про то, что женщина — лишь пара... Бред!

— Разве быть вдвоем хуже? — спросил мужчина и погладил Алайю по голове.

— Я не говорю, что хуже. Я просто имею и свое мнение, ясно? — отрезала девушка. — Или я обязана говорить на все «да» только потому, что я женского пола?

— Не обязана, конечно, — мужчина взял в руки карандаш и рассеянно завертел его меж пальцев. — Наверно, если бы ты отвечала на все «да», ты бы перестала быть человеком. Но разве ты не понимаешь... Любовь рождается из уступок, которые ты делаешь любимому человеку. Но не потому, что ты должна их делать, а потому, что тебе самой этого хочется. И эти взаимные уступки дают ощущение... что ты не один в этом мире, — и повернулся к Ние. — А что вы скажете?

— Скажу, что именно из-за этого произошел откат. Мы обещали подождать вашу жену, но мне кажется, она чувствует это и так. Четвертый мир сначала пошел по тому же пути, что и мир третий. Путь запретов. Когда где-то наверху собирается кучка «сильно умных» и придумывает свод правил, запретов и наказаний. Кто это — боги, маги, люди — не важно. Смысл в том, что нарушение придуманного «кучкой» грозит карами. И все. Разум и сердце исключаются из цепочки. Зачем думать, прислушиваться к собственным разуму и чувствам? Надо прочитать очередной свод от «великолепной кучки» и сделать все так, как там написано. Кажется, я опять забегаю вперед. Но я не слежу сейчас за ходом повествования. Он был строг в первом «Ивааре»; там же был подобный свод правил, легший в основу вашего мира... но в нем не было главного. Вас всех.

— Откуда вы знаете, что она — моя жена? Вы и людей всех знали?

Ниа гулко рассмеялась своим странным смехом.

— Я и магов-то далеко не всех знаю. Но то, что она — ваша жена, в общем-то, видно и так. Давайте все-таки подождем ее тоже.

Все присутствующие снова зашумели в обсуждении, а сонное летнее настроение продолжало парить над окружающим пространством. Ветерок чуть шевелил волосы и кленовые листья на деревьях. Кир в задумчивости взял м-киффару и заиграл незатейливую, но грустную мелодию. Звуки окутали людей и магов. И Нию, кто бы она ни была.

— Не грусти, все у твоих родителей наладится, — не выдержав, шепнула она ему, когда м-киффара вытянула из себя совсем грустную ноту. — А я и не знала, что вас у них четверо. Думала, трое ребят.

— Пятеро, — поправил ее Кир, не прерывая игры. — Еще наша чудом выжившая сестра с ее ненормальной любовью.

— Ах, да, я же участвовала в этой истории, — Ниа потерла пальцем лоб. — Но историй было так много, я уже всего не помню. И слава магии, а то помнить все сразу и одновременно — на это только Абсолют способен.

— У него есть имя?

— У него их много. Как и у меня.

— Как вы его зовете сейчас?

— Я не могу сказать тебе правды, а врать я не хочу.

— Ясно. Я пойду помогу принести тарелки.

И вскоре они с женщиной вернулись в окружении плывущей по воздуху флотилии белых с золотыми узорами тарелок, на которых лежали куски утки и сытно пахнущий гарнир. Чашки с компотом плыли следом. При появлении еды мужчина вскочил на ноги, но Кир взмахнул рукой, и столы с белоснежными скатертями появились прямо перед присутствующими.

— Спасибо, Кир, — поблагодарила его женщина. — Что бы мы без тебя делали.

— То же самое, только купили бы шарик с магией перемещения в лавке, — заметила Алайя, тут же вгрызаясь в кусок утки. — Они не такие дорогие, и хватает надолго. Мама еще на той неделе купила.

— Столы лучше приносить из залы самостоятельно, минуя чудеса, дочка, — назидательно произнес мужчина. — Чудеса нужны для чудесных вещей. А то, что можно сделать руками, лучше руками и делать.

И бросил взгляд на Кира.

— Вы тоже так считаете? — спросил мужчина у Нии.

— Я не судья в межличностных спорах, но очень рада, что у вас с женой такие замечательные отношения, — криво улыбнулась она. — А Кир просто еще молод для мага, чтобы начать искать себе пару. И маги редко заводят отношения и сочетаются браками с людьми. Особенно Солнечные. Так что вам и спорить не о чем. Я ответила на ваш вопрос?

— А причем тут вечные споры папы и Кира? — спросила Алайя.

Женщина при этих словах слегка покраснела и сжала руку мужа.

— Да так... пришлось к слову, — сделала неопределенный жест в воздухе Ниа. — Не бери в голову. Конечно, папа прав: то, что можно сделать руками, руками лучше и делать. Но если

нужно принести сразу несколько столов и груду посуды, а людей мало... можно обойтись и магией. В конце концов, она ради того и существует.

— Чтобы приносить тарелки? — не отставала Алайя.

— Чтобы помогать там, где руками делать было бы слишком долго, сложно и опасно, а то и невозможно.

— А вы почему ничего не едите? — вмешалась женщина.

Ниа посмотрела: все вокруг уписывали угощение, но ее тарелка осталась нетронутой. Компот тоже. Она взяла в руку чашку. Тонкий фарфор холодил руку. Вдохнула и отпила. Разум подсказал, что компот вкусный, со сладким ягодным вкусом, с имбирем и еще какими-то добавками. «Какое счастье, что в этом мире слова «вкусный» и «сладкий» — это не одно и то же», — подумала она.

— Я, пожалуй, продолжу рассказ...

— Вам не нравится?

– Я не чувствую вкуса. Пока не чувствую. Не спрашивайте меня, почему. Я и о вкусе компота, скорее, просто догадываюсь. Да и еда мне пока в вашем мире не нужна. Кто-нибудь хочет добавки?

– Я, я! – Алайя тут же потянулась к тарелке Нии, но отдернула руку. – Мам, можно?

– Если наша гостя не возражает...

– Кушай на здоровье, Алайя, – улыбнулась Ниа. – Маги должны хорошо есть, иначе они задохнутся.

– Потому что с едой в тело поступает и варканум, который для магов подобен воздуху? – спросил Кир, дожевав свой кусок.

– Да, верно, ты хорошо учишься в школе магии.

– Я слышала, у него высшие оценки, – фыркнула Алайя. – Но теория магии – это так ску-учно!

– Ешь давай, – обиженно поджал губы Кир. – Мама старалась, готовила.

Ниа посмотрела на этих двоих. Все-таки мир номер четыре был еще так молод. Но,

может, оно и хорошо. Ведь если верить формулам, бесконечный рост «2?+» в конечном итоге приводил к состоянию «ЗОР», как она его про себя называла. И кто его знает, что оно значит? Может, то состояние совершенства, когда дальше двигаться просто некуда и незачем? Или это далекий-далекий переход к миру пятому? Она его видела как-то мельком, лишь вскользь. Даже само состояние (в полноценном написании) «30p» – это знание пришло ей в виде текстового сообщения на мобильный телефон с неизвестного номера в период написания «Иваара» и вывода формул. Подсказка? Ложный след? Случайный сбой или заложенный в какую-то программу результат, который попал к ней, разумеется, просто случайно. Но разве случайности – это не то единственное, что еще осталось доступно богам в мире третьем (в основном лишь Архимагу до его конфликта с Абсолютом)? Связано ли это как-то с кометой 30P/Рейнмута?

Но вряд ли случайностью, произошедшей тогда так вовремя, стоило пренебрегать. И в итоге в конечный свод формул состояние «ЗОР» попало. Самое загадочное и непредсказуемое. И интересное. Оставалось надеяться, что Абсолюту

это понравится, а Архимаг будет не сильно против. Что касается нового куратора четвертого мира... у него сейчас и так хлопот по горло.

— Вы начали говорить что-то про имена, — прервал ее мысли мужчина, когда все поели, отдохнули и Кир при помощи магии убрал столы и посуду.

— Да, я лишь хотела сказать, что собираюсь и дальше Абсолюта называть Абсолютом, а Архимага — Архимагом. У них у каждого есть множество имен, поэтому не стоит заострять на них внимание.

— Но у вас есть имя. Ниа, — тут же сказала Алайя.

— Я его выдумала, когда отвечала на вопрос, как меня зовут, — она пожала плечами и откинула белые волосы назад. — То, как меня звали те, кто знал меня всю вашу долгую историю молодого мира, вам не скажет ни о чем. Имя не сохранилось ни в одной легенде или истории. Просто имя, как меня называли близкие мне маги... и боги. Люди меня не знали, и, может, потому мое имя никому не известно. Это люди испытывают настоящую необходимость что-то записывать, а маги и боги и так все помнят. И

передают знание из уст в уста, от разума к разуму, от сердца к сердцу.

— И потому нет ни одного полного учебника по маджексматике? — спросил Кир. — Какие-то книги есть. И много. Но...

— Но чтобы описать маджексматику на бумаге, не хватит всех м-библиотек Совета. Но даже магические библиотеки не способны объять материал, который начинается словами «все возможно». Четвертый мир на самом деле огромен. Он включает в себя почти бесконечное множество варканумных и даже теноптрийных оборотных миров, те — другие миры и...

— Миры внутри миров? И их много? Они опасны? — выпучила глаза Алайя и жалобно посмотрела на мать.

— Не пугайся, они варканумные, а потому не страшные, — Ниа повернула руку, и вокруг нее образовался шар из радуг. — А связи между теноптрийными мирами в четвертом мире не так сильны. Чтобы попасть в оборотный мир, нужно быть магом и знать его точные координаты или иметь с ним сцепку (не спрашивай, что это такое). Не зная их, рискуешь погрязнуть в бесконечном ворохе миров варканумных... Один

из теноптрийных миров понравился бы обитателям третьего мира. Он основан на удивительной смеси магии и технологии, а к последнему они привычны.

— Вы там были? — Алайя протянула ладошку матери и получила от нее конфету.

— Была. Я много где была и из варканумных, и из теноптрийных миров, когда решался вопрос, какой же из них станет миром номер четыре. И станет ли какой-то мир им вообще.

— Наш мир лучше всех! — девочка скрестила руки на груди. — Может, там что-то и было, и даже недавно. Но сейчас-то все хорошо! Или нет?

Она посмотрела на мать, потом на Кира.

— Конечно, все хорошо, — он погладил ее по голове. — Так что мы пока можем передохнуть перед очередным приключением во весь мир, — он поднял глаза на Ниу. — Оно ведь скоро будет? И так без конца? Чтобы Абсолюту было весело? Абсолют — тот самый антипод Архимага?

— Слишком много вопросов, но я постараюсь ответить. Запланированных приключений «во весь мир» больше не будет. Да

и последние приключения с варканумными вирусами, а также темными магами, которые меняли людям память, не были запланированы. Они просто случились, потому что случились, ведь мир «вышел в свободное плавание». Теперь он учится существовать без поправляющей его руки. Учится сам, руководствуясь тем опытом, что удалось накопить за всю свою долгую варканумную историю. Что будет дальше... кто знает. А ты бы хотел жить в мире, где все будущее предопределено? Тогда ты можешь перейти в мир номер три: там история прописана от начала и до конца, все события уже один раз случились и продолжают дальше случаться, как по расписанию.

— Нет, спасибо, — Кира передернуло. — А остальные вопросы?

— Остальные... да, миры в том числе существуют, чтобы Абсолюту было интересно. На самом деле нужно прочувствовать те пустоту, холод и ужас, что он ощущает, когда не окружен событиями. И это тоже стало причиной варканумного отката вашей истории.

– Расскажите про откат! – потребовала девушка с черными волосами. – Люди в нем участвовали?

– В основном участвовали маги. Но я уже стала слишком стара, чтобы держать нить повествования. Я ведь начала уже рассказывать про «великолепную кучку»...

– Что-что? – переспросила женщина.

Ниа пересказала ей то, что она пропустила: про своды правил от неких «самых умных», «великолепной кучки», обязательные для исполнения.

– Если покороче, то это не работает, – подытожила Ниа. – Доказано и подписано всем третьим миром в полном составе.

– Почему? – требовательно спросила девушка.

– Потому что люди умные...

– Хоть у кого-то хватило мозгов это признать! – девушка горделиво обвела взглядом остальных.

– Умные достаточно, что каким бы длинным, подробным и тщательно

спланированным свод правил ни был, они найдут там лазейки, приведут мир к коллапсу и последующему откату истории, — спокойно закончила Ниа. — «Иваар» был достаточно убедителен, в нем было многое, но даже этого навсегда не хватило.

— И тогда вы придумали безболезненные откаты? — Кир встал со скамьи и положил руки на вздрагивающие от возмущения плечи девушки.

— Да, они были заложены в четвертый мир с самого начала. Один раз уже пригодилось, но даже там откат был неполный и не до нуля. Большинство обитателей этого даже не заметили. В отличие от полноценного отката в мире номер три. На моей памяти он случался после ядерной войны, которая уничтожала все живое — или сразу, или была началом конца. Хотя, что вызвало откат после «Иваара», сказать не могу, не при мне было.

— Что такое «ядерная война»? — спросила Алайя и прижалась к матери. — Это плохое?

— Это очень плохое, — кивнула Ниа. — Хуже, чем древние магические войны в вашем мире. У вас-то темные маги после того, как часть из них

стали «муравьями» (и кем похуже), научились относиться к людям как к людям, а не как к деревянным марионеткам для «поломать». В третьем мире люди с холодными сердцами, у которых в душе не горит звезда, все еще других людей либо боятся, либо этими куклами и считают.

— Так третий мир плохой? — с придыханием спросила девочка.

— Ну как сказать... возможно, он — лучшее, что могло бы быть после мира номер два, — вздохнула Ниа. — В третьем мире родились прекрасные идеи и люди. Первые живут в сердцах, а вторые — в памяти до сих пор. И в вашей памяти тоже, ведь третий мир — ваше прошлое, и зарождался ваш мир именно как «параллельный мир» (есть там такой термин). Он не откатился назад по истории, потому что в решающий момент никто не нажал на кнопку начала той самой ядерной войны. Даже под приказом не нажал. Ходили легенды, что они «сговорились», «начитались Иваара». Возможно, в той его ипостаси, что осталась в мире третьем, было что-то похожее, ведь он продержался

существенно дольше, чем я привыкла вспоминать перед его концом.

– Причем тут «Иваар»? – спросил мужчина.

– Я не помню, как именно там было все описано. Но уже тогда было заложено то, что помогло вашему миру продержаться намного дольше, чем миру третьему на моей памяти. А именно – думать и чувствовать. Вот скажите: когда нужно повиноваться приказу вышестоящего?

– Никогда! – выпалила девушка.

– Если это светлый маг – всегда, – тут жеотреагировал Кир.

– Маме – тоже почти всегда, – Алайя посмотрела на мать.

Мужчина и женщина переглянулись, но промолчали. Остальные тоже говорили и говорили...

– Смотрю, «Иваар» стирается из памяти, ведь он написан в вашем мире больше чем сотню тысячелетий назад. А может, в первой версии этого и не было. Может, там и были заложены похожие ответы, как у вас. Моя

память... – Ниа потерла рукой глаза. – Не помню.

Кир посмотрел на нее сочувственно, Алайя потянула мать за рукав и что-то ей шепнула. Девушка закатила глаза. Люди зашумели.

– В общем, что я могу на это сказать. Умные не только люди. Маги тоже вполне себе умницы и способны потому довести даже очень продуманный в плане правил мир до коллапса, что у вас и случилось. И даже учение Поднебесных с их обновленным сводом правил на основе устаревшего «Иваара» вам не помогло. Это ошибка, самая грандиозная ошибка. И моя, и прочих... из «великолепных кучек». Все это не правильно.

– Человеколюбие? Милосердие? Они не должны помочь? – робко спросила женщина.

– Это все было и до «Иваара», – отмахнулась Ниа. – Учение самого Архимага еще в третьем мире пронизано подобными словами. И что? Чем это помогло? Кроме того, что ноль истории третьего мира был смещен вперед. Почему тогда третий мир продолжал стучаться, как идиот, о верхнюю границу истории и падать вниз, до нуля, взбираться вверх, снова падать и так далее,

и на оборот? Почему Архимаг столько раз плакал горячими слезами? В решающий момент у руля оказывались именно те, кому на его учение было плевать.

– Почему? – замороженная, спросила Алайя.

– Ты же слышала, потому что в решающий момент у руля могут оказаться не те люди, – ответил Кир.

– Нет, Кир, – возразила Ниа. – В решающий момент у руля в третьем мире всегда оказываются люди, забывшие учение Архимага. Чувствуешь разницу? Не «могут», а всегда. Потому что третий мир стал слишком сложным для его учения. Проще говоря, свод правил требовал обновления. Потому что это бесконечный процесс: «великолепная кучка» придумывает новые правила, а все прочие придумывают новые способы их обойти и довести все-таки мир до коллапса. Мне все больше кажется, что не знавшие первородного хаоса существа подсознательно все-таки к нему стремятся, – и добавила уже недовольным тоном. – Наверно, они сильно разочаровываются, когда натываются на нули истории после отката и в хаос все-таки не попадают. Впрочем, четвертый

мир в этом плане гораздо интереснее. В нем после смерти любой может вернуться в хаос. Если мир третий Архимаг сдерживал от переселения всеми силами: в него нельзя было, не став смертным, ни попасть, ни оттуда уйти. Просто никому, никогда и ни за что. Ловушка. Если бы обитатели мира номер два, когда становились в нем смертными, знали, что это навсегда!.. Но четвертый мир, как это сказать, открыт для посещений, если пришедший готов подчиняться его правилам. А если не готов – четвертый мир никого не держит. Намного честнее, на мой взгляд. Ваше соглашение о невмешательстве, один из пунктов которого гласит, что люди вольны жить там, где они хотят, говорит о том же. И вот то последнее «приключение», что тебе не понравилось, Кир, как раз было ради того, чтобы поддержать это важное соглашение, которое некоторые темные маги пытались нарушить.

Кир только передернул плечами.

– Если мир третий покинуть нельзя, как же вы здесь оказались?

– Я его не покидала. Я и сейчас нахожусь в нем и буду находиться, пока не случится некое

событие... Не спрашивайте меня о нем: для вашего мира это уже ничего не изменит.

Кир выразительно окинул взглядом старуху.

— А то, что я вижу перед собой вас, — иллюзия?

— В каком-то смысле. Так о чем вам интереснее узнать: об изначальном «Ивааре», об откате в вашем мире или... — она улыбнулась, — о любви?

— Нам по-прежнему интересно все, — заявила девушка и посмотрела на солнце над головой. — Почему мы беседуем уже так долго, а солнце стоит на том же месте?

— Оно двинется, едва закончится рассказ, — отмахнулась Ниа. — Время — не более, чем абстракция. Средство защиты разума от прошлого и — средство повысить ставки. Итак, с чего же начать...

Глава 5. Предусмотреть все

Мне не хотелось бы пересказывать то, что пришлось пережить матери Кира. Никто не расскажет это лучше, чем она. Но что-то рассказать я могу.

В то время, о котором я поведу речь, в нем еще даже «момента спарк» не произошло. Знаете, что это значит? Вы вообще знаете, что такое сны? Сны — путешествия меж подобных, не прошедших «момента спарк», оборотных миров, порожденных всем, чем угодно, от воспоминаний и впечатлений до фантазий. Иными словами, меж тех миров, где нет еще ни одной своей души. И потому эти миры заимствуют души чужие. Обычно это не миры для жизни.

Во время снов вы можете даже видеть свой дом и своих близких. Но они всегда будут какие-то «не такие». А все потому, что вокруг вас будет пусть и близкий, но все-таки оборотный вашему мир. Это будут не совсем ваш дом и не совсем ваши близкие.

— Мне страшно! — Алайя прижалась к матери. — Это я каждую ночь оказываюсь в чужом жутком мире? — она всхлипнула и спрятала лицо в рукаве матери.

— Именно поэтому магам, почти всем, маги разума снижают чувствительность к снам. Вы все еще бродите по ночам где-то далеко, но никакого вреда это «далеко» причинить вам не

может. И маги своих снов не помнят. Те же, кто нарушает это правило (а такое тоже возможно), просто-напросто рискуют, что они не смогут в какой-то момент вернуться из такого сна целиком. Это называется собирательным образом: их магия «обратится» – сдвинется на оборот; останется там, в далеком мире. А сам маг с обращенным источником магии вскоре иссякает и умирает. Если, конечно, не отыщется другой маг с колоссальной энергией, чтобы найти и вытащить потерянного назад, вернуть в его собственный мир. Шансов встретить такого мага – почти никаких, так что лучше не рисковать. Поэтому, вступив однажды в возраст, когда нужно будет пресечь полноценное путешествие по оборотным мирам, лучше не забывай о том, что нормальные правила вообще-то придумывают не для того, чтобы тебе навредить. Их придумывают для того, чтобы тебя оградить от бед. Хотя чем больше принимается откровенно бредовых правил, тем меньше тот, у кого есть разум, прислушивается к правилам вообще. Кажется, в какое-то время в третьем мире задалась целью придумать просто как можно больше правил. Не глядя на последствия. Чем это заканчивается, я уже рассказывала.

— А люди? — с трепетом в голосе спросила женщина. — Они тоже могут застрять во сне где-то там... далеко?

— Застрять — нет, у людей нет магии, чтобы ею там застревать. Но чужой оборотный мир во сне иногда может напугать настолько, что люди не просыпаются.

— Они остаются в том мире? — с трепетом в голосе спросила женщина.

— Нет, — покачала головой Ниа. — Ни люди, ни маги, ни даже боги в мире, который не прошел «момент спарк», остаться не могут. Они оставляют в нем след, иногда довольно глубокий. Поэтому те миры могут показаться плотно заселенными. Но обычно это все тени, следы от прошлых посещений тех миров другими душами. О том, чтобы кто-то мог вот так вот встретиться во сне с кем-то из других душ в настоящем, а не с тенью прошлого, я не знаю. Ну, за исключением моих собственных попыток хоть так наладить связь с прочими из наших.

— С прочими из «великолепной кучки»? — язвительно поинтересовалась девушка, накрутив локон волос на палец.

– Ага, – не моргнув глазом, ответила Ниа.

Итак, во сне мы обычно путешествуем по недосозданным оборотным мирам. И ваш мир когда-то был одним из них. Все его обитатели бывали в нем лишь во снах, оставляли след и поддерживали этим в нем призрачную жизнь. Надо признать, что четвертый мир уже тогда был очень привлекателен, в него хотелось возвращаться снова и снова. Я сама... Не важно. В общем, людям нравилось смотреть сны об этом мире, а поскольку память у четвертого мира была превосходной, след от них был обычно чрезвычайно глубок. И когда некто оказывался там, мир все менее напоминал призрачный, оборванный, сумбурный, а становился все более и более похожим на мир реальный. Собственно, так оборотные миры и создаются, этот процесс и есть преддверие «момента спарк».

Надо признать, что тут имело место и деление душ. Это вполне естественные процессы: и слияние, и деление. Даже из искры сильной души может родиться множество. Хотя верно и обратное. Даже слияние миллиона слабых душ даст в итоге душу слабую, которая в какой-то момент после смерти без поддержки

тела превратится просто в энергию, в чистый солитьюд без каких-либо на нем отпечатков. Чистый солитьюд либо потом подхватывается другими душами, либо формирует душу новую после слияния с солитьюдом вообще.

В этом отличие мира третьего. Он окружает высокой оградой даже души. Им дозволено ходить по другим мирам во снах. Но и только.

А так им доступен только теноптрийный мир живых и два мира оборотных для жизни после смерти при нем. Я бы назвала их складами душ в ожидании перерождения. Да, в учении Архимага душам обещается там вечная жизнь (и вечные мучения людям плохим). В общем-то, задумка была именно такова. Но вмешался закон сохранения энергии солитьюда. Сильная душа приобретает энергию при жизни, поэтому после смерти (а иногда и при жизни) способна породить множество других душ. Слабые же души, как я уже говорила, после смерти просто гибнут, хотя и они при жизни могут обрести невиданную силу. Все зависит от выборов, которые душа совершает при жизни.

Но не после смерти. После смерти идет отдых... а потом медленное угасание. Даже

очень сильная душа от долгого пребывания в этих оборотных мирах рисковала угаснуть и стать чистым солитьюдом. Этим они и отличались – нарушали все законы мироздания, в том числе и формулу баланса, и потому вели к угасанию своих обитателей.

В вашем мире после смерти у вас будет иная участь, но позвольте мне не раскрывать ее раньше времени. Скажу только, что после «момента спарк» суммарная сила душ четвертого мира возрастает. В то время как у третьего мира – уменьшается. Может, его неизбежный коллапс в какой-то момент истории – не что иное, как следствие этого процесса. Ему повезло лишь в том, что заложенные откаты истории откатывают и души тоже. А то в нем бы просто никого не осталось, помимо обитателей из арсдалля, а их не так и много относительно общей массы. Наше счастье, что арридий чрезвычайно сложно разложить на составляющие, даже в сплаве с садием, хотя последний и вносит нестабильность. И может привести к угасанию даже такой души, особенно если она выросла из души человеческой.

Процесс этот тем более печален, потому что до отката истории необратим.

Но четвертый мир, оборотный мир, существовавший тогда лишь во снах, был еще молод. Те души, что побывали в нем, даже если они потом сон не запоминали, обретали в нем силу. Потому что это мир сильных душ. Слабым помогали и находили у них те неожиданные сильные стороны, которые помогали им стать сильными. Слабость там была не в чести. Там не любили болезни. В четвертом мире маги лечения могли лечить даже такие болезни, что в третьем мире были неизлечимыми, а зачастую для этого хватало даже простого шарика с магией лечения или лечебных растений, выведенных магами природы. В нем не было нищеты как класса, не было голода, потому что была магия, способная преодолеть все это с легкостью. И уж точно не было проблем с экологией (с загрязнением окружающего мира), потому что не было их источника — сделанных людьми слишком сложных вещей. Магия в этом плане гораздо чище. Естественней.

Что там было в чести, так это взаимовыручка — не только в парах, но и в

сообществах. Иначе было просто не выжить (и потому магам скрепя сердце приходилось сотрудничать тоже). И это коренное отличие четвертого мира от предшественника, который «радостно» разрешал всем быть одиночками в общем стаде. Поначалу в четвертом мире жили ярко, но недолго, и лишь потом постепенно его обитатели стали учиться справляться с неурядицами. И стали жить дольше. Не везде — кто как научился. Но у тех же Солнечных средний срок человеческой жизни, полноценных, не проведенных в немощи лет — целых двести, хотя у магов тени, чей мир наиболее близок к миру третьему, — лет шестьдесят всего, и то у самых счастливиц.

Четвертый мир не был жаден до своих обитателей. Из него в любой момент можно было (да и сейчас можно) выйти. После смерти перейти в другой мир, а при жизни — перейти в состояние после смерти и потом уже либо... в общем, уже потом уйти в другой мир. И до «момента спарк» это означало лишь то, что «обитатель» мог проснуться в любой момент. Привлекательно, разве не так?

Серьезные войны в нем были только в период перед зарождением учения Поднебесных, и им же были остановлены. Были еще войны. Войны вообще пугают души слабые, но придают невиданную силу душам сильным, если они на стороне тех, кто вынужден отвечать ударом на удар. Но если они на стороне тех, кто войны начинают, души слабеют. Это первые кандидаты на превращение в чистый солитюд после смерти. А сильные души, которые кладут жизнь в попытках остановить войну, в попытках оградить своих от тех, кто напал, порождают после смерти множество сильных душ с положительной нетенотрийной памятью. И они помнят. Как-то... что-то... Почему-то при просмотре сюжетов о войне в последующих жизнях их сердца вздрагивают. Не только в мире четвертом, но и в его предшественнике.

Но все войны в новом мире удавалось преодолеть, и это были не «приключения» – это были проверки: а сможет ли потом, после превращения в теноптрийный, этот мир удержаться на плаву, не дойти до коллапса не смотря ни на что? И будет ли оставаться все таким же привлекательным как для людей, так и для всех прочих? Не станут ли души его

обитателей слабость? Последнее волновало всех, кроме Архимага, который действительно любил и продолжает любить всех людей без исключения. Но Абсолюту слабые души не нравились. Они были не интересны, не способны на поступок. В их солитюде не мог завестись ни арридий, ни арсдалль. Причем сильная душа — далеко не всегда тот, кто отстаивает нечто с оружием в руках. Это и тот, кто способен вести за собой всех прочих, чтобы сделать мир лучше. И даже тот, кто выбирает себе правильного проводника. И честно говоря, войны Абсолюту надоели. Потому третий мир после очередного коллапса ему изрядно наскучил, и он всеми силами боролся, пытался добраться до меня хоть как-то. Сначала говорил со мной, а потом, после запрета куратора третьего мира, Архимага, перешел на сны. Сны Архимаг запрещать поначалу все же не стал. Это же просто сны, разве нет? Кто в третьем мире относится к ним серьезно?

А пытался добраться до меня Абсолют не просто так. Я была создана, чтобы стать его помощницей, несущей лекарство от скуки. И я его несла даже в третьем мире. И в реальных приключениях в первом «проходе истории»; и

потом, когда уже не могла ничего менять — в придуманных историях. Сначала они все записывались на бумаге, потом многие набирались на компьютере, — Ниа вздохнула, — хотя через него связь гораздо слабее. Знаете, что такое компьютер? Это нечто вроде водяного браслета, только без магии и ломается гораздо чаще. В нем еще иногда заводятся компьютерные вирусы наподобие вирусов варканумных, только последние поражают разумный иммунитет, а первые — компьютеры. Хорошо, что с переходом вашего мира в теноптрийное состояние влияние варканумных вирусов стало намного слабее. Ведь до того, как он миновал гребень теноптрия, с ними была прямо беда.

Из моих историй, почти всех, рождались оборотные миры. Все-таки у меня был читатель, который их и создавал. Оборотные миры порождала далеко не я одна, но и скука Абсолюта была бесконечной. Потому и отношение к книгам, к историям, которые хоть ненадолго позволяют вырваться из-за железного занавеса третьего мира, у него менялось. В очередной «проход истории после отката» к трепетному ореолу книг добавлялось что-то

новое. Пока, наконец, именно книги не стали источником магии многих оборотных миров – и вашего в том числе. Это было интересно и рождало бесконечный поток лекарств от скуки, необходимых не только Абсолюту, но и обитателям мира третьего, которым (не всем) все еще было тесно в его строгих рамках. Они к тому времени практически перестали помнить сны о четвертом мире: Архимаг начинал бить тревогу и запретил даже это. Ведь слишком много людей, которые думают об одном и том же, – это реальная сила, способная этих людей... того... переместить в следующий мир, причем для четвертого мира – сделать это достаточно безболезненно. Нужно только уснуть. Стали даже рождаться истории о страшных «плохих магах», которые хотели захватить этот мир, и о самоотверженных людях, которые его отстаивали. Откуда? Не без помощи Архимага. Ведь какую идею писатель выберет из потока идей, зачастую зависит от случайности. А кто еще ведает случайностями в мире, если не его куратор?

– Он вас в петле не вздернет за такие речи?
– спросил Кир.

— Он меня уже и вздергивал, и сжигал, и что только не делал. Истории о ведьмах во многом рождены после моих «подвигов». Но сейчас я устала от борьбы — душа ослабела, как и души многих прочих. Третий мир подошел к этапу очередного отката истории, а «Иваар», чтобы дать ему отсрочку, написан не был. Даже этот миф я писать не хотела: устала. В прошлый раз глаза горели перед зарождением нового мира, а сейчас-то что? Мир создан, все танцуют. И у меня сил бороться уже не осталось. Я даже предлагала Архимагу опустить именно его часть истории, но он отказался. Надеюсь, что не передумает, ведь сначала он противился «Иваару» всеми силами. То есть не ему самому, а тому, что «Иваар» оказался ключом к выходу из мира третьего. Я расскажу об этом попозже, хорошо?

— Вы перескакиваете с четвертого на восьмое.

— Как у мага, у тебя есть шанс найти исходный «Иваар» где-то в ваших архивах. Поверь мне, там все гораздо более упорядочено. А это... просто история за чашкой компота.

— Хорошо, я поищу, — улыбнулся Кир.

Что ж... четвертый мир стремительно летел к «моменту спарк». Я видела это во снах, хотя далеко не все из них могла запомнить, но если я просыпалась с энергией, способной сворачивать горы, я знала – я была там. Моя душа, до этого ослабевшая в вялом течении жизни третьего мира, крепла; глаза горели, как у кошки. В последней попытке как-то на меня воздействовать Архимаг решил поговорить со мной лично.

– Сам Великий Архимаг?! – глаза Алайи стали напоминать маленькие блюдца.

– Да. Но я этого не помню. Теноптрийная память ушла с очередной смертью, а нетеноптрийная не сохраняет таких подробностей. То, что я хочу рассказать сейчас, – с его слов, но рассказанных не лично, а посредством межпространственной передачи мыслей. Знаете, чем она отличается от обычных «голосов в голове»? Тем, что это никакие не голоса, не картинки... Это некие очень сложные сигналы, которые воспринимаются чувствами выше пятого. И которые расшифровать способен только тот, кто знает, пусть и через память нетеноптрийную, что ему что-то

передают, и в общих чертах – что именно передают. Не зная этого, расшифровать такой сигнал невозможно. И не спрашивайте, как мы с Абсолютом стали таким образом преодолевать препоны, выставленные нашему общению Архимагом, когда даже сны в основной массе стали недоступны. Я не отвечу, потому что знание давно ушло в память нетеноптрийную. Но с каких-то пор это остался единственный способ нам с Абсолютом общаться. О, какие гонения Архимаг устраивал через специальных людей (сначала палачей, потом врачей) на тех, у кого «в голове голоса»! Пусть первые стенают, вторые радуются – ничего подобного больше ни у меня, ни у таких, как я, не было. Страдали дальше, в общем-то, только люди, которые поддались «моде на голоса» как средству решения бесчисленных проблем третьего мира. Надеюсь, их когда-нибудь все же вылечат.

Дальше я ступаю на скользкую дорожку рассказа со слов того, с кем тысячелетиями боролась всеми силами.

К чести Архимага скажу от себя, что «Иваар» был изначально написан именно в тот проход истории – после нашего с ним общения.

И, пожалуй, именно его душевная сила, воодушевление, энергия, вложенная с его слов в ту книгу, дали третьему миру отсрочку отката, а мне — между делом — шанс улизнуть в новый мир. И это говорит мне лично моя нетенотрийная память. Я этого не помню. Но я это чувствую.

— Вы его любили? — выпалила Алайя.

— Потерпи, а то Кир жалуется на перескоки «с четвертого на восьмое».

— Кир вечно чем-то недоволен!

— Алайя, дочка, дай нашей гостье продолжить рассказ.

Я этого не помню сейчас, но Архимаг просто в какой-то момент пришел ко мне в квартиру. Знаете, что такое квартира? Это вроде вложенного дома в доме высотном, как у Солнечных, только по размерам напоминает клеть. Обитатели третьего мира радовались даже этому: у них рождаемость неподконтрольная, так что жизнь в коробке от пылесоса для них дело обычное... Даже Солнечные еще до расширения числа обитаемых планет вдвое начали за рождением детей следить. Ах да, пылесос. Ну,

это такая сделанная вещь, которая убирает пыль без магии. Вроде метлы, но посложнее.

Архимаг пришел и задал мне два простых вопроса. Почему мне вечно чего-то не хватает? Почему я все время стараюсь расстроить его планы сделать мир спокойным и безопасным? Это он ко мне с этими вопросами пришел после Октябрьской Революции и незадолго до Второй Мировой войны.

Вы знаете, что такое революция? Это такая бессмысленная вещь, когда людям кажется, что они решают сменить себе лидеров силой. Ничего хорошего из этого обычно не выходит, но революции продолжают свершаться. Потому что в третьем мире — и в вашем, кстати, до недавних пор — людей слишком просто убедить, что они хотят не этих лидеров, а вон тех, в красных шапочках — они наряднее. На самом деле новые лидеры обычно разве что «наряднее», а по сути своей не лучше текущих, а зачастую еще и хуже. Если люди хотят что-то в жизни изменить, то единственный способ это сделать — сотрудничество. И с обычными людьми, и с текущими лидерами, подход к которым тоже нужно находить (что зачастую сложно). Лидеры

ведь в третьем мире — тоже люди, умеют разговаривать, а значит, с ними можно попробовать договориться.

К сожалению, не со всеми. Архимаг потому и был на стороне тех революционеров. Но минусы из формулы баланса в благодарность сделали так, что учение Архимага в результате этого переворота было объявлено вне закона. Разочарования. Одни разочарования от людей... Как у него хватало сил все это терпеть столько времени?

Был, конечно, выход: лишить людей свободы воли, назначить им всем роли, чтобы ходили, как куколки, послушные, но счастливые. Только такой выход ни самим людям, ни Архимагу (и прочим богам) не нравился. Он хотел людям счастья, искренне хотел — но чтобы люди его добивались сами, а не ждали, пока им его принесут на блюдечке. А подсознательно он, как любой нормальный бог, тоже жаждал сильных духом, потому что они двигают историю вперед, несут прочим счастье и мучительно думают, как сделать мир лучше. Кому-то это даже удается.

К сожалению, революции обычно создаются в третьем мире как раз под этими лозунгами. Только на самом деле за них почти всегда просто платят деньги те, кто рассчитывает получить от революции еще большую выгоду, чем потрачено для ее организации. Деньги, которые когда-то были придуманы как замена борьбе за ресурсы, замена насилию, превратились там в средство для уничтожения счастья ради еще больших денег теневым лидерам (это лидеры, которые не на виду). А люди, чьими руками и жизнями вершатся такие революции, не получают ничего, если не хуже. Такова жизнь в третьем мире.

— А у нас? — спросила Алайя.

Кир внимательно посмотрел на нее (взгляд был очень печален) и погладил по голове.

— У нас тоже бывали революции, — сказал он. — Но все заканчивалось хорошо, и надеюсь, уже все, от кого что-либо зависит, убедились в том, что лучше договариваться, чем воевать. Когда подрастешь, все узнаешь.

— Даже откуда берутся дети? — хитро прищурившись, спросила она.

– И это тоже.

Я же попыталась рассказать: каково это было тогда – разговаривать с ним.

Архимаг говорил много. Он пытался донести до меня то, ради чего вообще все происходит (или, скорее, должно происходить). Это было для меня новым: не потому что так интереснее богам, а потому что это должно нести людям счастье. Потому что это должно делать мир лучше, но не только с неких позиций жизнеспособности самого мира, с позиций формул и ожиданий, а больше с позиции того, что мир должен делаться лучше именно для своих обитателей.

– Разве мир не стал лучше, когда многие перестали голодать? – спрашивал он.

– Сколько еще осталось тех, кто голодает или на грани голода! – отвечала я. – Ты уверен, что цель достигнута и цель – правильная?

– Почему она неправильная?

– Разве еда – смысл жизни?

– Тебе легко говорить, ты не человек.

– Ты же всех уравниал под людей. И меня тоже.

– Чтобы думать о высших целях, люди сначала должны быть сыты.

– Чтобы касаться рукою звезд, нужно стоять на краю бездны, – возражала я. – Сытый и довольный всем человек не захочет ничего делать. И на высшие цели посмотрит с ленцой. Зачем? Ведь ему и так хорошо.

– Но не все люди таковы.

– Обычно те, кто не таковы, – из арсдалля. Иными словами, они – такие же «люди», как я.

– Нет. Арсдалль многих из них – приобретенный.

– Согласна. Но приобретенный, пока человек стоял на краю бездны. В этой или прошлых жизнях.

– Такие, как ты, двигают людей на этот край, чтобы добиться... чего?

– Я уже давно никого никуда не двигаю. Баланс в твоём мире делает все сам.

– Чего ты добивалась?

– Чтобы мир продолжал существовать.

– Он существует и сейчас.

– Я написала сказку. Она говорит об обратном. Я не помню многого, но это многое я чувствую. Оно всплывает в случайных фразах, событиях и неожиданных озарениях.

– Что за сказка?

– Обратная сказка о рыбаке и лошади[2].

– Ты ее не написала. Я бы заметил.

– Она существует лишь в моем воображении. Мне этого достаточно, потому что смысл ее неутешительный. Если я все верно понимаю, мир находится на краю своего завершения.

– В худшем случае мир просто вернется к началу истории.

– Сколько уже было таких возвратов?

Молчание.

– Ты не помнишь? – спросил он.

– Нет. Но я чувствую, что все происходит не впервые. Что ты сделал, чтобы предотвратить откаты истории?

— Это должны сделать люди.

— Зачем же тогда боги, если все должны делать люди?

— Боги остались в прошлом.

— Давай я лучше расскажу тебе сказку.

— Хорошо.

Сначала он посадил синие цветы, сорвал их и сделал из них первый невод из цветов.

Потом он остриг гриву белой крылатой лошади, удерживая ее за уздечку, и сделал из нее второй невод из белых волос.

Потом он взял и пришел на песчаный берег синего моря и посмотрел в небо.

И в первый раз он закинул два невода в пронзительно-синее море и выловил на гриву разбегающихся золотистых ящериц, оставшись с хвостом в руках.

И во второй раз он закинул оставшийся невод из пронзающих синих цветов в правой руке в красное море и выловил только

расползающихся зеленых змей, оставшись со змеей в сердце.

А в третий раз он перекрасил змею в черный цвет, научил говорить и закинул ее в радужное море. И выловил только клубок перепутанных колючих стеблей, рассыпавшийся у него в руках, оставшись ни с чем, которое он посадил в оранжевый песок.

И в нулевой раз он, оставшись ни с чем, сидел на черном берегу и ждал восходов у черного моря, мечтая о несбыточном.

Но в четвертый раз он сплел из выросших черно-белых цветов второй первый невод, который так и рос из земли, и забросил его в переменчивое море.

И опустил он в воду гриву подошедшей к нему коричневой лошади, которая осталась с ним.

И так и стоял он на песчаном берегу, глядя в пронзительно-синее небо у самого синего моря, слушая биение четырёх сердец.

– Ты хочешь сказать, что мир номер три безнадежен? – после долгого молчания спросил Архимаг.

– Ты прочел это сам: «он», человек, человечество – все время пытается совершать бессмысленное насилие над окружающим миром. То одно, то другое – и ничего в итоге не получает. Жизнь должна бурлить, но не пересыхать! Разве что во второй раз – во втором мире – он остается со змеей в сердце.

– С тобой.

– С женщиной в принципе.

– Я могу понять, почему она в сердце. Но почему она – «змея»?

– Кажется, с этого мы начали наш разговор. Я уж точно для тебя «змея». Женщина изначально была создана в том числе как лекарство от скуки (а еще страха и одиночества). Но понять ее предназначение способны не многие. Те, кто знает скуку истинную. К сожалению, женщины сами зачастую не способны ее разогнать... Да и не хотят.

– Женщины – такие же существа, как и мужчины. У них есть своя воля и свой разум.

Они способны принимать решения. Они способны на многое. Мужчина и женщина равноценны.

— Да-да, «два по одному», — усмехалась я. — Те, кто были задуманы, чтобы помогать друг другу, стали просто двумя одиночками, где каждый стремится к личной цели.

— Ты хочешь сказать, что счастлива жить ради Абсолюта?

— «Счастье» — человеческое понятие. Как и «любовь». Мне не знакомо ни то, ни другое.

— Тебе нравится такая жизнь?

— Если тебе интересно, то я не кукла и никогда ею не была. Куклы намного скучнее, чем обладающие свободой воли. Моя жизнь полноценна. Была. В первый проход истории.

— Ты не ответила на вопрос.

— Ты ждешь человеческого ответа от не-человека. Меня гораздо больше волнует «третий раз» закидывания в море (кстати, не без помощи «змеи» в руках), ключевой для мира номер три. Невод был закинут в радужное море, после чего отсчет времени снова начинается с нуля. Ты

понимаешь, что это означает? Ядерную войну и откат истории до начала. Вот что волнует меня больше, чем «нравится» и «не нравится».

— Потому что это волнует Абсолюта?

— Да кто знает, что его волнует. А тебя это не волнует? Тебе все равно, что история не первый раз стучится о свой верхний предел и падает?

— Я стараюсь направить людей, чтобы этого не случилось.

— Сколько раз уже старался?

— Процесс совершенствования — процесс небыстрый. Люди должны понять. И история не идет точно тем же самым путем. Есть изменения, и какое-то из них позволит миновать этот предел. Но люди должны понять сами. Не боги — люди.

— Ключевые вехи истории идут теми же путями. Знаешь, сколько у меня уже было этих пресловутых «дежавю»? Я уже их ненавижу. Я хочу жить, а не повторять свои же собственные действия снова и снова!

— Ты этого не помнишь, но ты не повторяешь все один в один. Ты меняешься. Мир меняется. Когда-нибудь он будет готов. Ведь есть же у тебя в сказке «четвертый раз», который ведет к пониманию собственных ошибок. Тот раз, который приближает мир к вечности.

— Я не чувствую, что это было. Но, возможно, будет, — отвечала я. — Возможно, ты прав, и после многочисленных падений с верхов истории люди все-таки поймут... хоть что-то. Лучше: что примитивная жажда наживы, рыбы из моря, путем насилия — сорвать цветы, остричь гриву, пожертвовать любимыми — приведет лишь к тому, что остаешься в конечном итоге ни с чем.

— Ты озабочена этим, потому что она скучна?

— Жажда наживы? Безусловно. Как и насилие ради нее.

— Вы с Абсолютом о человеческом счастье не думаете вообще? Вам бы только, чтобы было весело.

– «Не скучно» не значит «весело». О человеческом счастье пусть думают сами люди: им виднее, что же это такое в принципе.

– Люди – не боги.

– И потому не умеют думать сами? Ты уверен, что имел в виду именно это?

– Ты невыносима.

– Я знаю. Но я верю в людей. Верила. Кажется, на третий или четвертый проход истории моя вера несколько угасла.

– Ты сейчас ведь хочешь того же, что и я. Почему ты продолжаешь мне перечить?

– Потому что я «змея», но не в твоём сердце.

Он смотрел мне в глаза и спрашивал:

– В сердце Абсолюта?

– Я не уверена, что у него вообще оно есть.

– Тогда в чём?

– Ни в чём. Ты думаешь не о том. Зачем тебе думать о каком-то «счастье», если все скоро умрут? Ну... не очень скоро, но все же. Опять откат, возврат. И опять. И...

— Это скучно?

— Да! — впервые повысила голос я. — Абсолют начинает скучать, ты это понимаешь?! Мир застыл в каком-то «желе», никаких стоящих событий! Одни проклятые минусы твоего мира, чья примитивность вроде природных или технологических катастроф (случайных или намеренных), ничем на деле не оправданного насилия сравнима разве что с изменением истории возникновения человека. Переписали — ладно, не в первый раз прошлое меняется. Но зачем было низводить разумных до неразумных? Это что, был способ доказать людям, что думать больше не надо — обо всем уже подумал ты?

— Это был выбор людей.

— Это был твой выбор. Ты запретил чудеса!

— Ты не помнишь, к каким ужасам они приводили во втором мире?

— Да... там было жарко, — признавала я. — Я устала от этих разговоров. Человечеству предстоит серьезное испытание. Не завершающее, не «радужное море». Но серьезное.

— Ты о нем помнишь? Что оно будет лет через двадцать? Разве это не «стоящее событие»? Вторая мировая война.

— Помню. Было стоящее. В первый раз. Даже еще какое-то время потом. Пойми, наконец, войны Абсолюту наскучили. Да и мне тоже. Потому мы оба пытаемся найти выход из ловушки бесконечных откатов! А ты мешаешь!

— Это должны сделать не вы, а люди. Вы с Абсолютом пытаетесь предусмотреть за них все, а это в принципе невозможно. Люди должны научиться быть людьми, а не вашими с ним марионетками. И потом ты забываешь про баланс. Ты, как смертная, вмешиваться можешь, не сильно его раскачивая (если не переборщить с вмешательством). Но я — нет, иначе баланс даст огромный крен в плюс, породив жестокие минусы. Надеюсь, Абсолют понимает это тоже.

— Все Абсолют понимает. Он и во втором мире вмешивался не так часто. Он предпочитает наблюдать. Видеть, чувствовать жизнь, которая должна вскипать! Сильные души, сильные эмоции, великие свершения! И если кто-то из людей глубокомысленно живет в полном или почти полном покое (что для баланса тоже

важно), то без людей прочих, которые вертят мельницу настоящей жизни, у мира просто не будет энергии противостоять хаосу. Ведь он на самом деле никуда не делся.

— Через двадцать лет довертятся: Вторая мировая война на горизонте.

— Через двадцать лет появятся новые герои!

— И миллионы трупов.

— И миллионы сильных душ! Пока мир достаточно жизнеспособен, чтобы стоять на краю бездны, но в нее не падать, он прекрасен. Так жаль, что этот мир действительно будет много позже падать. А все потому, что героев не останется, души ослабнут и вялой белой рукой решат вершить историю те, которых к ней и близко подпускать было нельзя.

— Потому что вы зовете их быть героями.

— Не сравнивай настоящих героев и тех, кто лишь стремится подгрести побольше под свое мягкое брюшко! Все, я устала от этих разговоров.

Что было после, я не помню, а Архимаг молчит. Но я чувствую, что тогда достучаться до моего сознания ему не удалось. Хотя... что-то во

мне было его речами все-таки стронуть. Иначе я бы никогда не написала «Иваар». Но я сделала это не сразу, а лишь относительно незадолго до того, как рыбак забросил «невод» в радужное море, чтобы остаться ни с чем. Потому что и мне с моим неправильным, нечеловеческим разумом хотелось перейти в тот «четвертый раз». Слушать биение человеческого сердца, слушать сердце друга («лошади») и слушать собственное сердце («змеи»). И главное – слушать биение сердца вечности, которое пульсирует между морем и небом как обещание того, что история больше не откатится до нуля никогда.

И все-таки откат истории четвертого мира произошел. Варканумный, безболезненный, но произошел...

Глава 6. Откаты истории, и что бывает после

– Вы не хотите о нем рассказывать? – спросил Кир. – Я это как-то почувствовал.

– Не особенно. Ведь это моя ошибка, а кому нравится в них признаваться? И это больше история твоей матери... Наверно, все-таки пора это сказать. Она – тень моего пребывания в вашем мире, еще не прошедшем тогда «момент

спарк». Всего лишь след. Как и у прочих. Потому что третий мир держит слишком крепко. Вырваться из него способны лишь такие вот тени тех, кто в нем заключен.

— Мама... тень?! Я не верю!

— Уже нет. Давно уже. После «момента спарк» все бывшие тени стали настоящими личностями. Обрели свои собственные души. Оторвались от тех, чьими тенями когда-то были. На самом деле это было невозможно. Вся логика мироздания кричала о том, что пока в мир души не переселятся, «момента спарк» не будет и мир не будет создан... Потому Архимаг был относительно спокоен, ведь все души его мира были под замком. Но мы с вами знаем, что на самом деле «все возможно». Только надо понять — как, не нарушая при этом основы основ, иными словами, не возвращаясь к хаосу.

— И как? — с придыханием спросила Алайя.

— Помните, я говорила про то, что достаточно крошечной искры сильной души, чтобы из нее потом выросла душа полноценная? Я разделила свою душу на множество таких искр и раздала их всем призрачным обитателям вашего мира. В том числе и твоей матери, Кир.

Этого было достаточно, чтобы тени стали осознавать себя и «момент спарк» все-таки начался. А моя душа осталась при мне, хоть и ослабла.

— Это было до или после отката нашей истории? — уточнил Кир.

— Да кто его знает... моя теноптрийная память ведь тоже откатывается. Откат истории — это не просто забава от Абсолюта. Это знак, что мир развивается неправильно, идет не туда, следует не тем целям. И моя ошибка была в том, что, уставшая от обилия ограничений мира третьего, я предоставила миру следующему свободу, не просто сопоставимую со свободой мира номер два, а превышающую ее. Первый постулат маджексматики во всей красе. Сила магов тогда равнялась силе богов. И они, такие умные — Высший Совет верховных магов, аналогов которому вы и не знаете — вертели миром так, что приводили в ужас даже меня. Меня! Ту, кто когда-то вышла из второго мира! Единственной ценностью, которая тогда осталась на свете, было живое воображение. Ведь для того, чтобы что-то сделать, нужно было сначала это что-то придумать.

Абсолют был в восторге от создания четвертого мира — такого гибкого и многообещающего, такого безумно интересного. Мы с ним там наконец-то встретились. Встретились, спустя многие и многие тысячелетия моего заключения в мире номер три.

Не думайте, что мы ощущали что-то вроде любви или счастья от этой встречи. Мы оба были в предвкушении пиршества возможностей. Мы были с ним тогда заодно.

Древняя Греция покраснела бы от стыда, узнав, как трясло мир номер четыре. Но все эти сотрясения проходили для многих бесследно. Ведь памятью вертели с той же легкостью, что и временем. Люди не помнили (и их тела не помнили тоже), что вчера, скажем, был потоп, а позавчера мир вообще был другим. Их задачей было отыграть свои роли и подготовиться к роли следующей. Кажется, что-то подобное обитатели мира третьего могли видеть в сюжете фильма «Темный город», хоть и в гораздо меньших масштабах.

Абсолюту было интересно, а я поняла, что устала. Сила розданной другим души еще не

успела восстановиться, и мне нужен был просто отдых. Я искала уголок спокойствия повсюду, но Абсолют всюду меня находил. Играл. Смеялся. Хохотал. Нашел себе новое развлечение – пугать меня, пугать хаосом. Ему было забавно. А мне стало казаться, что мир номер четыре к этому хаосу катится. Удивительно, что в нем на тот момент все еще не произошло ни единого отката истории. Новая формула баланса позволяла свободно перемещаться между параллельными уровнями мира, замыкая очередной «ноль». То выше, то ниже. И так далее, и на оборот. Это было удобно, но мне было страшно. Ведь моей памятью – то есть памятью твоей матери, Кир – тоже играли. А у меня уже не было сил включиться в эту игру. Я угасала.

Тогда произошло неизбежное. Воображение тоже можно истощить вседозволенностью. Это и случилось. За ним обезумевшие от долгожданной свободы маги-боги стали рыскать по всем углам, залезать в сознание каждого человека. А когда воображение взрослых иссякло, стали калечить умы детей.

Я этого не помню. Так, обрывки. Помню, как мы, взрослые, стоим у стен комнаты,

уносящейся в бесконечность, защищая еще не вскрытый разум последнего ребенка. Охраняем периметр. Если бы кто-то из нас тогда разжал руки, пустил безумцев из хаоса внутрь... мир с духовной смертью последнего ребенка пришел бы к коллапсу окончательному, без откатов, как не прошедший «момент ноль».

Мы выстояли. Случайная цепочка выживших взрослых, сумевших в критический момент не разжать рук. Те, кому было не все равно. Кто боролся за порядок в этом ожившем хаосе.

– Мама как-то рассказывала... что она что-то такое помнит. Словно было во сне, – с содроганием в голосе сказал Кир. – Неужели когда-то маги были... такими?

– Еще хуже. Ты думаешь, почему оборвался магический род, чья книга магии перешла к ней? Не важно, почему это произошло в последней версии истории. Изначально именно они... все начали.

– Она еще помнит... труп ребенка.

– Я помню тоже. Это был единственный способ уберечь тогда его душу – убить тело

прежде. Пусть твоя мать себя не корит: и убийцей, и жертвой тогда на самом деле была я. Это за моим воображением – как последнего существа, чье сознание и воображение не были вскрыты – охотились тогда полмира. Остальные полмира пребывали в неведении о том, что происходит.

– Но как же все... стало другим? Как это безумие остановилось?

– Вмешался Архимаг.

Ниа уронила голову на руки. Слез не было, была только бесконечная усталость. Ее чувствовали все, словно ее раздали каждому в коробочке с ярким бантиком. Кир, мужчина и даже Алайя рванули за водой, чтобы привести гостью в чувство.

– Вода? Какая драгоценность, – серьезно сказала Ниа, когда ее потрясли за плечо и она увидела три одинаковые полные чашки. – Как странно, опять это заветное число «три»... Спасибо.

Она взяла одну из чашек и осушила залпом.

– Вам бы прилечь, отдохнуть, – заботливо произнесла женщина.

— Ничего. Просто воспоминания. Разрешите, я не буду дальше рассказывать... подробно.

Это была битва титанов. Абсолют и Архимаг. Создатель миров и их спаситель. Тот, за кем мощь существ из хаоса, и тот, за кем мощь существ из порядка: не только людей мира номер три, но и людей мира номер четыре. Потому что учение Архимага, учение Поднебесных, прошло и сквозь ваш мир. Похоже, битва все-таки была после «момента спарк».

Архимаг победил. Может, будь я в полной силе, битва закончилась бы иначе, но я была слаба, и Абсолют был низвергнут. А в мир номер четыре победитель внес важные коррективы. Те, которые мы с Абсолютом бы не внесли. В целом, кажется, четвертый мир Архимагу то ли понравился, то ли ему совесть не позволяла убить столько его обитателей, которых некуда было пристроить — ведь размер четвертого мира в десятки раз превышал размер третьего. Я имею в виду, так было до очередного изменения истории мира номер три, когда в мире оказались так называемые «инопланетяне», которых, правда,

Архимаг все-таки от планеты людей как-то отделял.

– Значит, наш мир создал Архимаг?

– Он внес коррективы. Создал Абсолют. Архимаг поправил и мир номер три тоже. Я не знаю точно как – одни догадки. В любом случае я рада, что Высший Совет верховных магов, а по-другому – богов, остался в прошлом. Жуткое было при нем время. Миру номер два подобное и не снилось. И все-таки... мне нужно написать «Иваар» снова. Точнее, миф о нем. В мое отсутствие произошел очередной откат истории – почему? Ведь «Иваар», сменивший просто веру на «знание, веру, любовь» был так убедителен. Но я тогда не знала, не понимала, что сколь бы подробный и прекрасный свод правил ни написала «великолепная кучка», кто-нибудь когда-нибудь обязательно найдет способ их нарушить. И баланс третьего мира тут ни при чем. Просто когда кто-то заставляет кого-то что-то делать, тут же возникает желание этому воспротивиться – так жизнь устроена. Из-под палки даже очень благое дело будет сделано не так. Разговаривать надо с душой человека – разговаривать, а не указывать! Так жаль, что души

третьего мира уже так ослабили... Хотя «Иваар», надо отдать ему должное, добавил к своду правил недостающее знание — то, что раньше было скрыто. А когда знаешь, почему ты должен делать все именно так, а не иначе, становится проще эти правила принимать. Хотя «любовь» раскрыть не смог. Это человеческое чувство.

— Маги тоже способны любить! — с пылом произнес Кир. — Мой старший брат, маг, тому самый яркий пример. И другие маги тоже — многие... Это не только человеческое чувство!

— Теперь — да. Раньше было не так, — усмехнулась Ниа. — Ваш мир может сколько угодно раз миновать гребень теноптрия — менее пластичным он от этого не становится. Пожалуй, лучшим его символом был бы глаз в знаке параллельности из формулы баланса, потому что именно она — коренное отличие от миров предыдущих.

— А боги могут любить? — выпалила Алайя и закусил губу. — Только я их нигде не вижу в нашем мире!

— Они есть, — Ниа положила голову на руки и улыбнулась. — Просто они теперь тоже зовутся магами и знают, что и на них может найтись

другая сила. На них наложены серьезные ограничения самим Архимагом. И, похоже, они тоже начинают понимать слово «любовь». Не знаю, была ли это заслуга «Иваара», Архимага или кого-то еще...

– Вы столько рассказываете про этот свой «Иваар», но что же в нем было? – Кир запустил руку себе в волосы.

– Знали бы вы, как мне не хочется вспоминать его снова. Сколько можно?

– Пожалуйста, мы... я хочу знать, с чего все начиналось!

– Он был написан больше для мира номер три. Вряд ли вы что-то поймете.

– Пожалуйста.

– Хорошо.

Глава 7. Иваар

Даже не знаю, с чего начать. Тот изначальный «Иваар» был такой объемный. Да и написан для другого мира (простите, если потому я буду иногда говорить непонятно). Пожалуй, вы уже неплохо его знаете с моих слов:

и как он создавался; и про его куратора, которого вы зовете Великим Архимагом; и про печальную судьбу бесконечных откатов; и про то, что мир невольно стал ловушкой для своих обитателей. Хотя, должна признать, что не только ловушкой, но и убежищем. Соседние миры – второй и четвертый до отката – устрашали настолько, что я Архимага понимала. Он думал о людях, причем даже о существах из арсдалля, если они отказывались от прошлого и становились людьми.

Он верил в людей. Да и сейчас верит. Хотя и устал от бесконечных разочарований.

Дело в том, что быть человеком – не значит уметь собирать из кубиков города и заполонять ими всю планету, забивая ее заодно ядовитым мусором; не значит уметь создавать даже очень сложные конструкции из металла и пластмассы (есть такой искусственный материал в третьем мире); не значит научиться на компьютере вычислять многоэтажные формулы и считать себя богами потому, что это помогает управлять другими людьми и сделанными вещами размером больше слона. Все то, чем обитатели третьего мира ближе к откату привыкли

гордиться, означало для Архимага не больше, чем гордость муравьев, построивших у моря триста муравейников.

Разве в этом цель? Все это – лишь средства. Цель в его понимании – сделать мир лучше и стать лучше самим. Многие ли из мира третьего мечтают об этом сейчас? Почему была извращена сама идея денег как замены насилию при распределении ресурсов? Знаете, в третьем мире даже научились смеяться над этим. Хотите смешную историю?

«Когда мне было двенадцать, я мечтала, чтобы на всем земном шаре победил коммунизм. Когда мне было семнадцать, я мечтала о большой и светлой любви. Теперь мне сорок, и я тупо хочу денег».

Смешно? Это страшно. Деньги там превратились в самоцель. Почему? Их нельзя съесть; из них нельзя построить себе жилье; из них нельзя сделать себе крылья, чтобы научиться летать. Да, за деньги все это можно купить (кроме крыльев), но это лишь означает, что на самом деле нужны не деньги. Нужна еда, нужно где-то жить и о чем-то мечтать.

Не уверена, что люди третьего мира понимают разницу. Она понятна Архимагу. И даже Абсолюту, который, кстати, выжил (сомневаюсь, что боги способны умереть в принципе). Хотя Абсолюту еще долго восстанавливаться, это не помешало ему попытаться взять реванш, в результате чего Архимаг тоже «почти умер». А спас его не кто иной, как некто, кто стал потом куратором нового мира. Запрещенные было Архимагом для переселения оборотные миры снова вспыхнули вокруг мира номер четыре. Они вокруг мира третьего могли о «моменте спарк» только мечтать и довольствоваться потому лишь тенями, и четвертый мир чуть не пошел по стопам третьего. Но номер четыре изначально никого не держал и впредь держать не собирается, особенно после очередного конфликта Абсолюта с Архимагом.

Это прекрасно. Прекрасно, что души выбирают мир не потому, что у них выбора-то и нет, а потому, что он кажется им лучшим. А если душа от него устает, она идет в мир соседний и дальше... и почти наверняка вернется назад — усиленная многократно. От скуки, отчаяния и заточения в клетке души слабеют. Как звезды.

Попробуйте достать звезду с неба и посадить ее в клетку. Она погаснет, как гаснут те звезды, что когда-то горели в душах людей. Но они все еще пылятся где-то на чердаках, потухшие, безжизненные, без цели. И потому, пока есть хоть один человек, в чьей душе горит звезда, а в сердце — вечный огонь любви и доброты, Архимагу не надоест с людьми возиться. Потому что еще будет надежда достучаться с помощью даже этого одного-единственного человека до холодных сердец и зажечь потухшие звезды.

Только ему опять может не хватить времени. Очередной откат близится. Рыбак уже готов забросить невод из живых в радужное море. Сам мир волнуется. Минусы из формулы баланса, словно предчувствуя скорый конец всего, сыплются как из рога изобилия (порой не без помощи людей), словно пытаясь доказать, что есть вещи и поважнее денег и амбиций. Что море может выйти из берегов, озера — обмелеть, пожары — уничтожить живое и неживое, вулканы — вспыхнуть, ураганы — засыпать снегом летом, а задыхающаяся от груд мусора планета — отравить воздух и воду, чтобы люди наконец-то поняли, что именно воздух и вода — настоящие драгоценности, а отнюдь не золото и автоматы.

Разве это не важнее, чем если одна «великолепная кучка» докажет другой не менее «великолепной кучке», что она «самая великолепная»?

Пытались ли доказать то же самое друг другу Архимаг и Абсолют? Не уверена. Первый хотел уберечь людей сначала от богов, потом друг от друга. А второму... ему нечего и некому доказывать. Абсолют и так просто знает, что все началось с него. И никогда им не закончится, потому что он-то знает: «здесь» лучше, чем «там». Ему важно, чтобы уголок порядка, огороженный когда-то от хаоса, расширялся – и «уголок» стал расширяться в мире четвертом! Потому Абсолюту и пришлось, толком не восстановившись, напасть на Архимага: ведь тот чуть не обратил этот процесс вспять. Не могу утверждать наверняка, но возможно, энергия превращения крохотной искры души в душу полноценную, а сильной души – во множество после смерти приходит из хаоса. Это выбор существ оттуда перебраться сюда, потому что «здесь интереснее».

Люди третьего мира всего этого не понимают. Их мир сжался до невероятно малых

размеров. До экрана компьютера. До всполохов лампочек в баре. До бутылки пива после ненавистой работы. Когда работа стала для них проклятием? Не тогда ли, когда работа из настоящего созидания стала переливанием из пустого в порожнее? Не тогда ли, когда гордость за прекрасный результат (да никто на самом деле не против нее, если она заслуженная) сменилась усталостью после очередной халтуры? Не тогда ли, когда темп жизни неестественно возрос и темпы работы стали превышать человеческие возможности? И вместо того, чтобы снизить темп до естественного уровня и помогать человеку совершенствоваться, не вредя самому себе, люди стали выпускать специальные лекарства, чтобы попытаться сразу сделать из него робота (а «сломавшихся» людей выкидывать, ибо – зачем они?). Знаете сложные создания магов разума из картин и полотен? Вот робот получится, если такое создание поместить в сделанную вещь. Учение Поднебесных это запрещает, а обитателям третьего мира идея нравится. Возможно, на этом откат истории после «Иваара» и произошел, но я не уверена. Было не при мне.

Зачем люди живут? Потому что хотят или потому что прочие не дают им другого выбора? В конечном итоге удерживаемая силой на свете душа слабеет неимоверно, но люди этого не понимают. Раньше просто незачем было это объяснять, а потом – не было тех, кто мог бы объяснить. Дело в том, что Архимаг уже сказал все, что хотел сказать. Абсолюту в мир номер три дороги нет (за исключением случайных лазеек). Были и другие... те, кто привносил свои учения. И до, и после учения самого Архимага. Какие-то ближе к истине, какие-то нет.

В какой момент процесс развития старых учений и создания новых, которые могли поведать людям очередную порцию невероятного, надломился? Скатился до уровня, когда учения, а скорее попытки развития учений старых, стали считаться стоящими, лишь если их окружали сильные люди с оружием в руках. Не тогда ли, когда века героев сменились веками отчаявшихся найти справедливость?

Где она потерялась? Природе, по крайней мере той, что образовалась после всех изменений истории, понятие «справедливости» не знакомо в принципе – там все просто: кто

сильнее, тот и прав. В мире втором справедливость определяли боги и герои из людей. В третьем... кто? Новые герои? Что это за герои, если они борются не с теми, кто причиняет людям страдания, а с такими же людьми, как и они, которые на самом деле ничего не решают? Неужели верят, что у причиняющих страдания проснется совесть?

Да и что это за герои, если они не способны понять: насилие в задыхающемся от него мире приводит его к коллапсу! Времена войн прошли. Люди сами не оставили себе на них никаких резервов. Подвели себя к критическому рубежу, когда привычный способ решения конфликтов – насилие – приводит к катастрофе.

Но этот проход истории несет множество надежд, которые я лично связываю с новым миром. И еще я не знаю, какие коррективы внес Архимаг в мир третий после того, как побывал четвертом.

Знаю одно: если люди перестанут держаться за ценности наносные и вспомнят о том, что когда-то давно были теми, кто вместе (вместе, тень побери!) могли достичь небывалых высот, тогда еще не все потеряно. И поток

бесконечных разочарований Архимага в людях прервется, потому что у него наконец-то появится то, чем он сможет в людях гордиться. Тогда он будет счастлив.

Какие ценности наносные? Даже учение Архимага, дошедшее до современности, рискует показаться из-за них излишне мелочным. Какая разница, кому поклоняться, если этот некто ведет тебя и мир к свету? В четвертом мире богов из чистого арридия больше не осталось, так что к чему эта ревность, которая лишает мир разнообразия? Почему нельзя восхищаться тем, кто достоин восхищения? Но, правда, только если он действительно достоин, а не переливает из пустого в порожнее. И разве в именах суть? Их может быть множество, а душа — одна, и это главное. Зачем указывать человеку, когда и как ему жить и работать, как двигаться и в какие одобренные специальные дома ходить? Главное, делать все это во благо людям — и себе тоже, но никого не притесняя и не повергая в отчаяние. Какая разница, были ли близки друг с другом влюбленные, если при этом они не рискуют завести нежеланных детей и нежеланные болезни?

Но красть все же не стоит. Зачем? Разве не интереснее придумать, как добиться желаемого, не нарушая чужой собственности? Разве это не лучший способ проявить себя, стать настоящим героем своего времени? Но... что если вдруг мир не предоставляет никаких шансов выжить помимо воровства? Почему тогда другие люди — те, кто могут это изменить — о таких шансах не задумываются? Почему вообще «великолепные кучки» просто тычут всем правилами, но не задумываются о том, что надо и обеспечить возможности эти правила соблюдать? Так и свершаются революции — от подобных «сделай так, а как ты это сделаешь, меня не волнует». Только новые «великолепные кучки» у власти ведь тоже о подобных возможностях не задумываются, а заботятся лишь о себе. Об этом стоит думать людям. Именно об этом, а не о том, как накопить всего побольше, чтобы спустить это потом на неважное и ненужное самому или предоставить это сделать своим «близким». Счастье, что в вашем мире об этом есть, кому подумать, и печаль, что мир третий решать подобные вопросы еще не научился.

И убивать действительно нельзя. Но ради спасения жизни невинных — можно. И только.

Убивать из-за вражды или за деньги – все равно, что продавать душу антиподу Архимага. О, как несчастный был счастлив, что с образованием мира четвертого был освобожден от своей страшной участи – быть чужим отрицательным отражением. Так что теперь он души не скупает. Зачем? Они давно после смерти превращаются в чистый солитьюд и без его участия. Напоследок он лишь пообещал, что процесс распада в таком случае будет долгим и далеко не приятным. Потом улыбнулся и сказал, что он пошутил.

Ничего не могу сказать насчет правды. Врать, безусловно, плохо, но... этих «но» – миллионы. Тут лучше спрашивать у собственного сердца, а не водить пальцем по бумаге в поисках готовых решений.

И уж тем более абсурдно повеление «чего-то не желать». Да чего мелочиться: вырезать всем людям чувства – и дело с концом.

Это был сарказм. Конечно, желать чего-то чужого нехорошо, если начать это что-то воровать. Но если желание преобразуется в другое, рождающее подобное, но новое (и интересное), то почему нет? А козни вокруг чужой собственности, в общем-то, никому не

нравятся. И если посвятить им жизнь, то придется смириться, что, вполне вероятно, эта жизнь будет последней.

Отдельно можно сказать про «воровство мужей и жен», если оно происходит по их собственной воле. Было абсурдно создать мир одиночек и ждать после этого, что все люди будут жить парами с начала и на всю жизнь. Да и в мире пар, в мире номер два, с этим было сложно. Все эта свобода воли. Да, женщина была рождена быть помощницей, но помощницей, союзницей, а не рабыней. Как и мужчина не был для нее исполнителем всех желаний. А про любовь при этом лучше спросите кого-то из людей. Они знают о ней больше.

Что еще важно? Повторюсь. Держаться друг друга, помогать, протягивать руку поддержки, а не пинать ногами. Можно ли это уместить в каких-то правилах? Нет. За всю историю люди скопили их уже столько, что эти правила либо стали друг другу противоречить, либо превратились в невыполнимые. Такое ощущение, что они, человеческие «великолепные кучки», таким образом вынуждают людей правила нарушать. Зачастую

все совсем не так. Они просто люди, правил слишком много... да путаются они в них сами, хотя делают вид, будто лучше всех все знают. Но если насадить силой сверху другую «великолепную кучку», разве станет лучше? Это будут такие же люди, а правил по-прежнему будет слишком много (и «новенькие» еще будут осваиваться, не упуская из виду любую материальную помощь себе любимым). Нужно просто найти способ помочь «кучке» текущей. Помочь, не задевая их гордости. И этот союз, это сотрудничество принесет плодов намного больше, чем революции, которые, как показывает история, во многом ничего кроме крови и слез не порождали. Если насилие больше не работает, неужели нельзя хотя бы попробовать что-то другое? Подумать, например. Только кому-то из «великолепной кучки» тоже нужно пойти людям навстречу, сказать: «Да, я готов к диалогу». Чтобы человеческое рукопожатие свершилось, руки должны протянуть друг другу обе стороны. Но когда союз заключен, одолеть его будет очень непросто. И нужно ли?

Подобное простое рукопожатие между одним человеком и другим, между многими и

многими, кем бы они ни были, сверкающей нитью проходит через всю человеческую историю, где люди добивались настоящего. Того, что заставляло глаза Архимага сиять радостью. Разве это могли быть новые технологические штучки, наносная слава, отраженная от неважного, или раздутый банковский счет? Сами по себе они – ничто. Но если технологические штучки, например, начинают спасать жизни тяжелобольных? А если наносная слава дает шанс донести потом до людей что-то важное? А если раздутый банковский счет используется, скажем, не для вложения денег в развязывание очередной войны, а для реализации проекта, который, например, помогает людям получить любимую работу? Ведь, как уже было сказано, если давать крохи подаяний, это лишь означает, что завтра человек снова будет стоять с протянутой рукой. Но если помочь ему начать самому зарабатывать себе на жизнь и делать это с любовью, с жадной результата, с полной, но не чрезмерной отдачей, то кто от этого проиграет? Неужели тот, кто дал ему эту работу, совершил это сверкающее рукопожатие и получил в результате преданного единомышленника и отличного работника?

Неужели нельзя придумать, как зарабатывать деньги, сея вокруг добро, а не отчаяние и усталость? Зарабатывать, а не терять. Да, придется сильно подумать, забыв готовые решения полного насилия прошлого. Но разве это не интереснее, чем бесконечные выяснения, кто же сегодня «царь горы»? Только... добиться чего-то настоящего действительно нужно хотеть, и это как раз то, где лицемерие недопустимо. На это способны лишь сильные души. Слепая уверенность же, что добиваться стоящих целей можно, лишь неся грусть и разрушение, – просто удел остальных. Люди хотят правды, любви, добра и красоты, но кто придумает, как это получить?

А вообще... главное – цель, мечта, крылья за спиной, которые несут сквозь неприятности к свету. Слушать собственный разум, который обращается к памяти теноптрийной, и собственное сердце, которое чувствует память нетеноптрийную. Понимать, что из маленьких выборов рождается будущее. Что тот, кто окажется в решающий момент у руля, может подписать человечеству смертный приговор или этого не сделать. Но у этого кого-то будет жизнь до того момента. И будут люди, его

окружающие, и их маленькие выборы. И все это может помочь сделать правильный большой выбор. Тот, который не позволит истории скатиться до нуля снова.

Девушка с черными волосами, до того со скучающим видом разглядывавшая небо, повернулась к говорящим лицом.

— Простите, что перебиваю столь высокопарную речь, но вам всем не кажется, что мы слушаем бред? — она обвела взглядом присутствующих. — Какие-то боги, откаты истории, другие миры, непонятные слова, компьютеры... это все сказки!

— Мифы, — серьезно кивнула Ниа. — Именно миф я вам и рассказываю.

— Но нам всем есть, чем заняться еще помимо ваших рассказней!

— Я вас не держу. В общем-то, я уже рассказала все, что хотела. Наверно, стоило рассказать подробнее: в лицах и длинных указаниях — но у меня уже не осталось на это сил. В завершение могу лишь повторить: думайте сами и чувствуйте своим сердцем. Помните, что многие приказы кажутся абсурдными лишь от

незнания. Но зная все, вы можете понять, что какие-то приказы и указания... ведут мир к краху, и тогда выбирать придется самостоятельно. На том свете уже будет не важно, у кого было больше магии, денег или кто выполнял приказы с большим рвением.

— Приказы тех, у кого в душе не горит звезда? — спросил Кир.

— Их особенно. Да и тот свет... там тоже от проблем не скрыться. От откатов он не спасет. Впрочем, не думаю, что вам что-то еще грозит. Третьему миру — возможно. Он как раз сейчас опять у порога, и от того, кто окажется в нужном месте в нужное время, снова будет решаться, пойдет ли мир долгим сложным путем дальше — или придет к очередному коллапсу и откату истории. Хотя теперь появилась еще одна возможность. Он может слиться с прошлым мира номер четыре. И что-то еще... Незвестная величина, внесенная в третий мир Архимагом.

— Вы обещали рассказать про любовь! — насупила Алайя.

— Я расскажу о ней как-нибудь в другой раз, — вздохнула Ниа. — Моя, к сожалению, осталась в вашем мире, мире четвертом, далеко-далеко.

Меня ведь здесь нет. А вообще, спроси о ней лучше у брата Кира, раз он – самый яркий пример того, что и маги способны любить...

– Кир, я тебя дозваться не могу! Ни по браслету, ни по мысленной связи! – словно светящийся маг постарше с вьющимися крупной волной светлыми волосами подошел к сидящим. Кивнул всем присутствующим и широко улыбнулся (вокруг запрыгали солнечные зайчики). – Мама вернулась, Кир!

– Насколько в этот раз хватит твоей радости? – невозмутимо спросила Ниа.

– Надеюсь, навсегда. Откуда вы...? Ты?! – маг вытаращил глаза на нее. – Как ты здесь оказалась? И почему в таком виде?

– Хотела посмотреть, как воспримут новую версию «Иваара», хотя не знала, что тут будет твой сын. В целом, история все еще поначалу кажется людям бредом, – она покачала головой. – Мой вид – просто иллюзия. Ты же знаешь, меня здесь нет.

– Мне история бредом не показалась, – вмешалась женщина и повернулась к мужу. – А тебе?

– Ну... послушать можно, – неопределенно ответил он. – Но слишком все выглядит нереальным.

– Это уже не важно. Колеса истории крутятся, миром четвертым уже заинтересовались и Абсолют, и Архимаг. И еще, конечно, его куратор, – Ниа прикрыла глаза. – Знание об «Ивааре» снова будет утрачено как слишком нереальное. Но жизнь продолжается. Надеюсь, мифу в главном повезет больше, чем его многотомному предшественнику. Все это уже было давным-давно, но все когда-то происходит в очередной первый раз.

Символика магов четвертого мира (совр.)

Маги огня

Поднебесные
(совр.)

Маги
рождения

Маги смерти

Маги
лечения

Некроманты

Маги защиты

Маги
природы

Маги ветра

Маги тени

Маги
солнечного
света

Маги
иллюзии

Поднебесные
(стар.)

Маги тумана

Маги земли

Маги
превращения

Маги воды

Маги холода

Маги любви

Маги разума

Маги
зачарования

Маги
времени

Маги
перемещения

Маги
воздуха

Маги
искажения

Маги
музыки

Маги
лунного света

Маги
смирения

Маги
символов

Маги
пустоты
(совр.)

Маги молний

Маги
вирусов
(совр.)

Маги пыли

Маги формы

Маги цвета

Маги игр
(совр.)

Маги памяти
(совр.)

*(отрывок стихотворения «Ураган», написанного
08.01.2017)*

Там буря, грохот, рвется небо,
Скажи, где ты, где я? Лишь дрожь
У обездоленной вселенной,
Горит душа, сверкает дождь,
Гремит гроза у перекрытий,
Срывает крыши в гимне снам,
Там он – предшественник событий –
Несущий чудо ураган!

***В четвертый мир торопиться не стоит,
дорога туда дальше и сложнее, чем хочется.
Да и без провожатого не дойти.***

(второй информатор)

Но что-то происходит. Что?

(мой вопрос, оставшийся без ответа)

Примечания автора:

1. Оборот истории – некая веха истории, в которой кардинальным образом меняется ее ход. Обычно многократно превышает длительностью год.
2. В оборотной сказке «О рыбаке и лошади» сохранены оригинальные орфография и пунктуация фольклора четвертого мира

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Личный сайт автора
располагается по адресу

ida-barieva.ru.

На сайте можно посмотреть дополнительные материалы, среди которых символика четвёртого мира, схема процесса мироздания, разъяснения к материалам из повести, некоторые не вошедшие в повесть имена и другое.

Книга доступна на сайте

e-spark.ru.